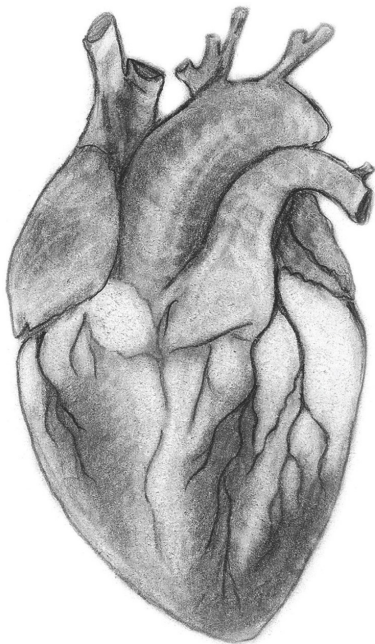

Эль Эвитас

Со скоростью мечты

Юлия Владимировна Токарева
Со скоростью мечты
(иллюстрированный сборник
короткой прозы и поэзии)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23328261

Аннотация

Книга о смерти, книга о жизни, книга о тайнах и о том, как легко сквозь текст могут просматриваться самые странные и сокровенные мысли и их отражения. Каждый рассказ и каждое стихотворение в ней – маленькая история о выборе пути и его последствиях.

Эль Эвитас

Со скоростью мечты

Ночная симфония для гитары

Я – волшебник в бабочке и фраке,

Лунным струнам придавая голоса,

Незаметно исчезаю в полумраке,

Рассытая щедро чудеса...

Его можно увидеть на крыше каждый вечер, в любое время года и любую погоду, он появляется, когда первые струйки фиолетовых сумерек нежно всплывают в город. Имя его никому не известно, звать его некому, а за глаза он прослыл Музыкантом. Музыкант молод, у него длинные золотистые волосы, глаза цвета весенней травы, тонкие проворные пальцы и единственный костюм сумеречного цвета с цилиндром. Он всегда появляется в новом месте со своей необычной гитарой, будто бы созданной из лунной дорожки, снятой с зеркальной глади реки, и играет на ней, бережно перебирая струны левой рукой, в то время как пальцы правой искусно танцуют на грифе. Гитара, оживающая под чуткими прикосновениями, поет о неведомом, забытом и чудесном, о снах, мечтах и надеждах.

Люди судачат, что Музыкант всегда исполняет одну и ту же мелодию, меняя лишь ее настроение, кто-то считает, что он знает песню души каждого человека, и потому она каж-

дый раз новая и не повторяется никогда, запомнить ее невозможно, напеть не получается, но все сходятся лишь в одном – это самая необычная музыка из того, что они когда-либо слышали. Говорят, она приносит с собой ощущения и оживляет воспоминания: некоторым явственно ощущается давно забытый вкус бабушкиных пирогов с клубникой, кому-то – страстное танго самого прекрасного вечера в своей жизни, другие же просто наслаждаются запахами, привычными и незнакомыми, но неизменно приятными. Люди вообще много чего говорят, особенно когда не знают правды, но никто не встречал Музыканта дважды, и потому подтвердить или опровергнуть множественные теории некому. Точно известно лишь то, что он всегда сидит, беззаботно устроившись на самом краю крыши в обнимку с гитарой лунного цвета, а по его левую руку стоит цилиндр – самая большая загадка странного юноши. Если проходящий по улице человек поднимет голову и посмотрит на Музыканта, он на мгновение оторвется от струн, опустит руку в цилиндр и кинет прохожему розу. Маленькую чайную розу, опускающуюся точно в руку. С теми, кто выбросил цветок, не происходит ничего особенного. Те же, кто сохранил его, рассказывают о бессмертии цветка, остающегося даже годы спустя таким же, как в первый миг. Говорят, те, кто поймал изумрудно-зеленую розу с острыми гранями лепестков, становятся удачливы в делах и богаты, счастливики, поймавшие похожую на капельку круглую синюю розочку, не знают болезней, жел-

тые цветы с волнистыми краями даруют успехи в творчестве, красные помогают найти любовь, истинную, крепкую, и не растерять ее в суровом течении будней, неказистая розочка цвета кофе с молоком приносит мир и благополучие в семью... еще Музыкант дарит белые, черные и фиолетовые цветы. Первые, по догадкам, приносят абсолютное счастье, вторые никто никогда не ловил, считая предвестниками скорой гибели. А третьи, по слухам, ловятся к чуду.

Осенний ветер задувал в рукава фрака, и пальцы мерзли, стоило хоть на секунду остановить их бесконечный бег, в воздухе висела мелкая морось, дыхание вырывалось изо рта белым паром, но сегодня Музыкант был особенно весел – ему нравились праздники. С крыши он с интересом смотрел на свечки, уютно сияющие в тыквенных головах, манящие теплом и смутно напоминающие о каком-то неведомом ему самому доме, он разглядывал через оконные стекла детей, наряженных привидениями и мумиями (два излюбленных костюма экономных матерей: старая простыня или пара рулонов бинтов), любовался улыбками и праздничными застольями. Гуляющих было много, и он раздал уже все сегодняшние цветы, кроме бархатистой черной и крохотной фиолетовой розочки.

«Хочу чего-нибудь горячего» – подумал он, наигрывая название пунша и ощущая во рту вкуспряного яблочного напитка, когда в переулке появилась девушка. Она остановилась перед крышей и решительно вскинула вверх лицо,

обрамленное короткими черными кудрями. Виски пронзила огненная стрела боли, сквозь пелену перед глазами медленно всплывали мутные картины прошлого, ее ласковый смех, мягкие прикосновения к волосам... Музыкант вздрогнул, так сильно, что чуть не упал вниз, не уронил гитару, не скинул шляпу... но тут же взял себя в руки, весело улыбнулся и уронил вниз розу, черную, как уста его гитары. Он не видел судьбы цветка, его глаза застилала соленые капли, на губах сияла счастливая безмятежная улыбка, он обнял гитару покрепче, опустил руку в цилиндр и изо всех сил сжал в ладони оставшийся цветок.

Эрика неохотно ушла с работы: в тишине мастерской было пусто и спокойно, дома же одиночество было тягостным. Она даже не стала ничего украшать, но купила все атрибуты праздника – по привычке. Сумка с покупками так и стояла в углу кухни, наполненная свечами и гирляндами, конфетами и печеньем, пряниками, специями... Эрика только вырезала фонарь из тыквы и поставила на подоконник, в смутной надежде заманить заблудшую душу брата на огонек.

Раньше они вместе украшали дом к каждому празднику, но брат пропал еще в начале года, а полиция бессильно разводила руками – сбежал, мол. Нагуляется и вернется. Эрика знала: если бы мог, вернулся.

Город был прекрасен, как никогда. Узкие улочки пересекались разноцветными гирляндами в виде крохотных привидений, причудливо искажаемые висящей в воздухе дымкой,

на каждом углу разглядывали прохожих совсем не страшные тыквы, из открытых окон доносились вкусные ароматы, смех... навстречу прошел юноша в костюме вампира, очень похожий на брата: такие же светлые кучерявые волосы, большие глаза, улыбка. Эрика встряхнула головой, отгоняя непрощенные воспоминания, некогда сладкие, но сейчас отдающие невыносимой горечью. Кто знает, может быть, ей уже не суждено видеть брата живым?

Где-то вдалеке играла музыка, невесомая, как крылья новорожденной бабочки, нежная, как бархат розовых лепестков, теплая, как домашний очаг, незнакомая, странная. Эрика сразу поняла, что эта песня не может быть исполнена никем, кроме Музыканта, и девушка, не раздумывая, бегом помчалась ему навстречу, забыв про неудобные каблуки, застревающие в брусчатке: она боялась, что музыка закончится, и невидимый еще Музыкант исчезнет. Ей очень нужна была помощь. Эрика мечтала получить из его рук фиолетовую розу, чтобы загадать возвращение брата.

Музыка привела ее в собственный двор, Эрика совершенно не удивилась, увидев Музыканта на крыше своего дома. Он улыбался, тепло, но немного грустно, замер на мгновение, чуть дернулся, будто от неожиданного укола, и уронил ослепительно черную розу. Разумеется, Эрика поймала ее. Мягкие лепестки, вопреки ожиданиям, растеклись по ладони расплавленной ночью и мгновенно исчезли, будто бы слившись с кожей. Перед глазами бешено пронеслись собы-

тия, давно забытые и затерянные в мирах и пространствах, жизни чудесные и неведомые, знакомые и совершенно чужие лица, среди них мелькнул слегка изменившийся Музыкант. Эрика не понимала еще, что все это значит, но ощущала свое родство с ним, и потому быстро зашла в дом и поднялась на крышу. Он все еще был там.

Его всегда прямая спина согнулась, пальцы отпустили гитару, цилиндр валялся на боку в луже. Что могло заставить его прекратить играть?

– Тебе больно? – решила спросить Эрика. Теперь, когда Музыкант был на расстоянии вытянутой руки, она помнила его насмешливый голос и неловкие жесты. Мысль о его боли пугала, ей хотелось защитить его, помочь, успокоить...

– Там внизу, кажется, глинтвейн варить собираются, – с неподдельным интересом сообщил он.

– Дурак ты, – со смехом ответила девушка, – пойдем, у нас дома тоже есть.

– И свечки есть? – Музыкант обернулся, сияя счастливой улыбкой.

– И свечки, и тыква.

Он поднялся с крыши, с удовольствием разминая затекшие ноги, и обнял ту, которую забыл и искал так долго. Она легко взъерошила светлые длинные волосы и в очередной раз подумала: «Хорошо, когда младший братишка загадочный музыкант. Плохо, что иногда он становится слишком загадочным и забывает, кто он, и тогда я тоже забываю его.

Ведь если он сам себя не знает, как может знать его о нём кто-нибудь еще, хотя бы и я?».

– Слушай, а что все же дают черные розы? Раньше у тебя их не было, – поинтересовалась Эрика, разливая по чашкам горячий глинтвейн.

– Жают возможность фамому управшашть швоей жифью – неразборчиво пробурчал он, уплетая за обе щеки традиционные сладости. – А вот почему никто их не берет, я не знаю. Словно люди хотят, чтобы за них все решил кто-то другой.

ОКТЯБРЬ

Этот октябрь особенный, этот октябрь –
сказка,

Как и положено, с ведьмой, доброй, но
в страшной маске.

Этот октябрь – книга на желтых кленовых
листьях,

Переплет из ягод рябины, написана старой
кистью.

Этот октябрь – пунш, из яблок, бадьяна,
корицы,

Из сладко пугающих снов, растаявших
на ресницах.

Этот октябрь, как песня, сыгранная
на скрипке,

По струнам сиреновой ночи смычком из
твоей улыбки.

Этот октябрь – праздник, с конфетами и
кошельком,

Созданный для того, чтобы спасти
свой дом.

Этот октябрь – свечка, горящий фонарь
на ветру,

Путеводной звездой светит. Видишь?
Я тебя жду.

Только, пожалуйста, руку крепче держи,
Правду поведай, без недомолвок и лжи,
Разбей со мной вместе стены и витражи,
Заклучившие счастье в память и миражи.

В огненном времени вальсе не стой, кружи!
Зелья вари, если хочешь, гадай, ворожи.
О прошлом не плачь. О будущем не тужи.
Только, пожалуйста, руку крепче держи.

Я смотрел вниз. Туда, где равнодушное море ткало для моей жены пенный саван, продолжая упорно биться о скалы. В моих ушах все еще звенел ее крик, перед глазами стоял испуганный взгляд. Крик продолжался. Продолжался. Продолжался. Он становился все громче и громче, пока не оборвался на хриплой ноте. Только тогда я понял, что кричал вместе с ней. «Ты убил ее своей любовью» – шептало море. «Ты не сберег ее» – свистел в коридорах ветер. Это неправда. Нет. Она где-то здесь... это сон. Мне нужно проснуться. Я должен проснуться. Я все отдам, лишь бы тебя вернуть! Только не подходи к окнам... только не подходи к окнам...

Темнота никогда не казалась такой пугающей. Она, в самом деле, бывает разной – уютным мраком теплой спаль-

ни, загадочным сумраком кинозала, бесчувственной пустотой космоса, неприветливым холодом пасмурной ночи, сокровенным миром под закрытыми веками, но никогда, даже в самом раннем детстве, она не была такой страшной. И зачем я оставила туристическую брошюрку с планом здания в комнате! Первый день я только с ней и ходила, а потом осмелела, оставила ее в спальне, и вот, пожалуйста, свернула куда-то и заблудилась. А там, кстати, было написано про кровожадное привидение некоего Артура, который зверски убил свою молодую жену и выбросил ее тело в море, а теперь охотится за душами молодых девушек по ночам. Выходит из стены, смотрит пустыми глазами, ласково просит не подходить к окнам, а что бывает потом – никому неизвестно...

Жуткую тьму острым лезвием пронзил еще более адский звук: местные волки решили, что ситуации не хватает музыкального сопровождения, и завyli во всю силу своих дьявольских глоток. Ледяные потоки волчьего воя разливались по округе, наполняя замок и заставляя сердце болезненно сжаться в самом дальнем углу моих пяток. Хлынувшая в душу паника добавила мне сил, и я припустилась бежать, не разбирая дороги, цепляясь ногами за незаметные выступы, сшибая углы, набивая шишки, не останавливаясь до тех пор, пока не врезалась в стену. Слабый фонарик мобильного телефона лишь подтвердил догадку. Тупик... Бешеный барабан собственного пульса постепенно урежал темп, боль подвернутых ног и усталость прошедшей недели навалились еди-

ным грузом. Я спустилась по холодной стене и свернулась в клубочек, стараясь сохранить остатки тепла – разгоряченное бегом тело стремительно остывало в нетопленном зимнем здании. Так ему и надо, Дирку, запоздало подумала я с болезненным удовольствием, вот умру от страха в каком-то непонятном закуточке на непонятном этаже, где меня ни одна живая душа не найдет, и обломаются все его планы...

– Только не подходи к окнам, прошу тебя, – прошелестел мужской голос над моей головой. А вот и он, долгожданный призрак, подумала я, осторожно поднимая взгляд. Вопреки моим ожиданиям чего-то, смутно напоминающего старую простыню, напротив стоял высокий брюнет в бордовом камзоле, белоснежной рубашке, черных брюках странного объемного покроя и кожаных сапогах. Надо признать, выглядел он абсолютно живым и совершенно опустошенным. Тусклый свет экрана таинственно отражался в зрачках его ярких зеленых глаз.

– Ты кто? – подозрительно спросила я. Не удивлюсь, если кто-то из местных жителей балуется, подрабатывая в замке «привидением» – так и туристов привлечь можно. Правда, почему-то мне казалось, что ближайшая деревня в пятидесяти милях...

Мужчина молча покачал головой, отвернулся от меня, будто бы обознавшись, и медленно поплыл вдаль по коридору в нескольких дюймах над полом. Я протерла глаза. Мужчина продолжал плыть, не переставляя ног и удаляясь при

этом с довольно приличной скоростью. И тут меня осенило: кем бы он ни был, да хоть самым дьяволом, он должен разбираться в кэрроловских лабиринтах этого безумного здания!

– Стой! – закричала я, опасаясь потерять единственного возможного проводника, – если ты Артур, выведи меня отсюда, пожалуйста, я заблудилась, – с этими воплями я уже неслась вслед призраку. Я всегда была жуткой трусихой, в детстве не могла уснуть без света, а сейчас вместо вознесения благодарственных молитв за спасение от призрака богам всех известных мне культов по старшинству и в алфавитном порядке, догоняла сверхъестественное существо без малейшей паники. Наверное, я совсем рехнулась. Или запасы страха в моем организме на текущие сутки подошли к концу.

К моему огромному удивлению, мужчина остановился и обернулся.

– Куда ты хочешь попасть? – устало спросил он. Теперь в его голосе не было того призыва, похожего на свист ветра в узком бутылочном горлышке.

– В свою комнату, – ничего более конкретного я сказать не могла. Про свою спальню я знала лишь то, что из окна открывался прекрасный вид на море, а находилась она где-то на пятом этаже. Или на шестом. Наверное.

На мгновение его взгляд потеплел, а уголки губ расплылись в почти невесомой полуулыбке, но это выражение облегчения мгновенно стерлось прежним устало-болезненным видом. Что бы там ни говорили путеводители, меньше всего

он был похож на убийцу (как будто я их так много повидала, ага). В его глазах, жестах, мимике было что-то смутно знакомое, от него веяло тоской и болью.

– Ты ведь Артур, верно? – осторожно уточнила я, следуя за неспешно продолжившим путь призраком.

– Да, – честно признался он, отводя от меня взгляд. Протянув руку, я украдкой коснулась бордового бархата кончиком указательного пальца. Ткань как ткань, разве что прохладная, как будто только что с морозной улицы...

– Ты умер? – вопрос сорвался с моих губ прежде, чем я осознала всю его бестактность.

– Наверное. Не помню, – Артур просочился сквозь одну из множества одинаковых дверей. Я с усилием открыла ее и оказалась в своей собственной спальне... точнее, в открытом нараспашку шкафу собственной спальни – я как раз укладывала вещи перед дурацкой вылазкой.

– Спасибо... Я могу чем-то отблагодарить тебя?

Артур словно не слышал вопроса. Он стоял посреди комнаты и пристально смотрел на мое свадебное платье, небрежно валящееся на старинном стуле. Оно, вероятно, стоило Дирку больших денег. Качество исполнения, ткань, отделка – все было безупречным, но его фасон, открывающий спину, плечи и ноги почти во всю их длину, заставлял меня чувствовать себя голой. Собственно, я заблудилась, когда искала в замке какую-нибудь белую ткань, любую, хоть скатерть, хоть простыню, чтобы приспособить их к платью.

Несколько минут призрак стоял неподвижно и, сжав зубы, продолжал смотреть на мой свадебный наряд. В голове судорожно метались мысли: я плохо представляла поведенческие особенности привидений. Может быть, его разозлил беспорядок в комнате? Или ему до боли неприятен такой фасон?

– А..Артур? – я наконец-то решилась разорвать повисшую тишину.

– Да? – глухо ответил призрак, лишь слегка повернувшись в мою сторону. Я четко осознала, что он может исчезнуть в любой момент – в конце концов, до спальни он меня все же довел. И тогда я останусь одна. С темнотой и волчьим воем. Ну уж нет, лучше призраки, эльфы, феи, домовые и кто там еще есть, всех давайте. Только бы не одной. Эх, была-не была: наверняка он может помочь в поисках материи, а попутно я попытаюсь его разговорить. Я вдохнула и робко поинтересовалась:

– Ты случайно не знаешь, нет ли в замке какой-нибудь ткани? Я хочу перешить платье до завтра...

– Знаю. Пошли, – глухо ответил он.

Мы снова пустились в путь по старинному лабиринту, Артур молча парил впереди, я так же молча брела сзади, подсвечивая себе путь и временами спотыкаясь о неровную каменную кладку или врезаюсь локтем в многочисленные канделябры. В каком же веке он жил? Сколько лет назад? Да он в любом случае старше меня минимум на три столетия. А я ему тыкаю и панибратски называю по имени. А ведь он дво-

рянин... фон барон, или герцог какой-нибудь, или кто они там были... история никогда не была моим сильным местом (разумеется, за исключением увлекательных баек – их я запоминала с ходу и могла травить часами).

Несмотря на намерение разговорить его, отвлекать Артура по пути я не решилась, и вскоре он привел меня в совершенно пустую комнату. Сквозь высокие окна лился лунный свет, разбиваясь центральным витражным стеклом на множество ручейков, отличающихся легкими оттенками цвета. Артур задумчиво уставился на голую стену, выражение его лица постоянно менялось, как будто он сомневался в чем-то, спорил сам с собой, что-то решал. Может быть, вспоминал, как открыть какой-то тайник? Как там в сказках? Нажми на кирпичик, скажи сезам, попрыгай на одной ноге, и дверка откроется? Пауза затянулась. Артур думал, а время упорно брело сквозь ночь, приближаясь к двум часам. Да скорее уже свершится чудо, и долгожданная ткань упадет на меня с небес. От досады я пнула мыском кроссовка ближайший кирпичик.

Сундук действительно появился, подняв целую пыльную бурю вокруг себя. Минуты две я кашляла и чихала, а когда, наконец, смогла открыть глаза, обнаружила лицо Артура удивительно близко. Сантиметрах примерно в двадцати. Разум послушно вспомнил страничку про маньяка из путеводителя.

– Ой... – пискнула я, ожидая скорой расправы.

– Как тебя зовут? – его взгляд пронизывал меня копиями и просвечивал душу насквозь, а голос звенел разбитым стеклом.

– Эл..леонор, – с трудом выдавила я. Вот теперь я его боялась. Сильно. Он ходил кругами по комнате (ходил, а не парил, как раньше!), постепенно увеличивая темп и постоянно повторяя мое имя на все лады. Может быть, он сошел с ума? Или я... чокнутый призрак. От этой мысли нечеловечески захотелось засмеяться, но губы не слушались, и из горла вырвался только какой-то невнятный всхлип. Когда мне стало казаться, что я стою в этой комнате целую вечность, а его бег никогда не прекратится, Артур остановился, недоверчиво посмотрел на меня и сделал несколько очень медленных шагов в мою сторону.

– Элеонор, что, по-твоему, лежит в этом сундуке? – вкрадчиво поинтересовался Артур, замирая в напряженном ожидании моего ответа. Я молча смотрела на большой деревянный ящик, окованный по углам металлом. Ноги болели, копчик, который я отсидела на холодном каменном полу, тоже ныл. Интересно, это сон такой? Если да, то он мне не слишком нравился: я предпочла бы зеленую травку луга или бирюзовое морское полотно, красавца-мужчину, так и быть, оставляйте. Может быть, я надышалась испарений какой-нибудь серо-буро-малиновой плесени, щедро цветущей здесь с момента основания замка? Или я действительно общаюсь с явно сумасшедшим привидением? Какие, к чертям, угадай-

ки? Я ему что, экстрасенс?

Судя по напряженному виду, Артур продолжал ждать мой ответ.

– Мое приданое, – брякнула я первую пришедшую в голову мысль, – мое свадебное платье и три простыни и посуда, купленные тобой же за пару недель до свадьбы, потому что своего у меня не было никог... – я испуганно осеклась, не совсем отдавая себе отчет в причине и, главное, смысле собственных слов.

Артур закрыл глаза и медленно сел на пол.

– Артур? Что здесь происходит? – я требовала объяснений. Когда я устаю или волнуюсь, то всегда начинаю капризничать, а сегодня я устала и наволновалась до смерти, если только можно думать о смерти в присутствии призрака...

К горлу подпирал истерический смех. Хозяин замка молчал.

– Артур! Ты действительно убил свою жену? – не знаю, почему мне так уперся именно этот факт его биографии.

– Да, – шепотом ответил он. – Я тебя убил.

Чудесно. Психически нестабильный призрак-убийца. Он убил... ЧТО??!! КОГО??!! Я молча откинула крышку сундука, выпустив на волю веселый рой беззаботных пылинки. На дне ящика действительно лежало платье, при ближайшем рассмотрении оказавшееся целым и лишь слегка припорошенным многовековой пылью. Отстирать его было бы гораздо проще, чем перешивать свое, а внешне размер казался

приблизительно подходящим. О, небо! О чем я только думаю – посреди всего этого хаоса перебираю в голове сценарий стирки... ладно, в любом случае, одну проблему решили, осталась вторая, даже более важная и серьезная. Я обернулась на Артура. Он все еще сидел на полу, тщательно отслеживая каждое мое движение, даже самое мимолетное.

Закрыв лицо ладонями, я спокойно вдыхала и выдыхала сырой затхлый воздух, медленно досчитала до тринадцати, и, ущипнув себя за руку, вновь открыла глаза. Артур никуда не делся. Платье тоже.

– Знаешь, сейчас упасть в обморок было бы очень кстати, – тихо сказала я. – А потом открыть глаза в теплой постели, сменить обстановку, так сказать. Но, видимо, мне это не светит. – В одном я оказалась неправа: хоть мое сознание и осталось при мне, колени наотрез отказались меня держать, и я вновь оказалась на грязном ледяном полу. Виски раздражала боль. Казалось, в голову забивают раскаленные гвозди, самый короткий взгляд на Артура вызывал тошноту и алые вспышки перед глазами. Из глаз хлынули слезы. Из коротких ударов боль превратилась в нескончаемый поток огня, заливающий разум и, почему-то, живот. Холодный пол под щекой... распластаться... холодное... ..

– Прости... прости, – доносился далекий шепот. – Все будет хорошо, я не уйду, никуда не уйду, никогда больше, только если прогонишь, тише, тише....

Крик, сорванное горло, боль, жалкий хрип, его лицо, пере-

кошенное, белое, новые шторы развеваются на ветру, как глупо! Страх, боль, холодная, острая, резкая, разрывающая, накрывающая, уносящая...

– Тише... тише... только не кричи, умоляю, не кричи!... только не снова... нет... нет...

Бирюзовые, как прекрасное море под окнами, шторы, обшитые золотой лентой, никак не хотят держаться на старом карнизе. Нужно будет поменять, обязательно скажу кому-нибудь из ребят. Девочек утруждать не хочется, у служанок всегда много работы – содержать в чистоте такой огромный дом!

– Лучше кричи. Нет... не надо такой тишины, нет... дыши, живи, посмотри на меня, ну же, посмотри...

Платье туго затянуто, сложно дышать, волосы заплетены до боли, но все ерунда, когда так бережно обнимают, придерживают за локоть, на руках вносят в новый для меня дом такие любимые руки... конечно же, мы обязательно будем счастливы!

– Ну пожалуйста... пожалуйста... хоть один вдох...

Ветер сносит волосы с лица, быстрый конь послушно несется вперед, смех вырывается из груди, как чудесно, как невозможно прекрасно!

– Подожди меня!

– Догоняй!

– Если догоню, навсегда останешься со мной!

Натянуть поводья, нарочно притормозить, не в силах

противиться сладкой угрозе.

– Уговорил.

Вдох. Непривычный, дрожащий, хриплый. Мир постепенно останавливал бесконечную карусель и оформился в четкое изображение.

– Артур... – тихо и жалко прозвучал сорванный голос. Артур промолчал, лишь обнял меня покрепче, я осторожно прикоснулась к его влажной щеке. – Никогда не видела твоих слез.

– И не увидишь, если, конечно, снова не умрешь, – он быстро вытер лицо платком. – Прости.

– Простила, – с трудом выговорила я, уткнувшись в его плечо. Я бы сделала всё, чтобы отменить его боль. Мысли тяжелели, сильно клонило в сон. – Я подремлю немного? Ты не уйдешь?

– Нет... спи.

Свет расплавленным золотом упорно течет сквозь сомкнутые веки, и я просыпаюсь, не в силах больше сопротивляться, глубоко вдыхаю свежий весенний воздух, пропитанный солоноватым запахом шепчущего под окнами моря, и решительно открываю глаза. Элле с усердием тащит мимо меня тяжелый стул, с ее хрупких плеч свисает и тянется шлейфом легкая бирюзовая ткань. В голове быстро проносятся обрывки давешнего кошмара. Я протягиваю руку, преграждая ей путь и обнимая.

– Оставь, пусть этим займется кто-то другой, – прошу, скидывая злополучные шторы с ее плеча. Глаза бы мои их не видели... – в конце концов, кто тут хозяин, и зачем нам столько прислуги? – нарочито возмущаясь, скрывая тревогу, а она лишь смеется в ответ и садится на край постели. Теперь все будет хорошо. Я уж постараюсь.

ОКНО

Бирюзовые полосы шторы нежно колышет ветер,
Боли, сильнее этой, ты не найдешь на свете,
Резко оборванный вопль, кровью из сердца – слеза,
Ты никогда не забудешь испуганные глаза.
Помнишь, как ты был счастлив, ведя ее к алтарю?
Как каждый день на балконе встречали вдвоем зарю?
Радость длилась недолго – всего лишь короткий год.
Если б ты знал, как быстро, как глупо она умрет!
Ты бы берег ее больше, к окну бы не подпустил?
Думаешь, это возможно? Тебе бы хватило сил?
Без устали рыщешь по замку, зовешь, ожидая ответ,
Жизнь твоя превратилась в отравленный скорбью бред.
Память тебе изменяет, безумно твое лицо,
Сердце с усилием бьется, придавленное свинцом.
Ты опускаешься на пол и крутишь на руку шарф,
Порваны, рядом лежат струны любимых арф,
Петь они больше не будут – в замке обет тишины.
Музыкой смерть не отменишь. Слова тебе не нужны.

Тихо заснув однажды, тело твое умрет.

Дух же в смятении бродит и вечно ее зовет...

Над водой и в воде стремятся друг к другу мосты,
На холодной границе встретились я и ты,
Протяни мне ладонь, я разрушу безмолвные стены.
Но хочешь ли ты свободы из долгого плена?

– Почему ты всегда одеваешься во все черное? – спросил Рик, наверное, в тысячный раз, уже не надеясь услышать ответ. Ее тонкие вечно холодные пальцы шелком скользнули по его щеке, свежим весенним ветром пробежались по черным взъерошенным волосам и приятной тяжестью опустились на плечи.

– Я расскажу тебе вечером, – пообещала она, – сегодня я расскажу тебе все.

Он внимательно посмотрел на туманную россыпь ее пахнущих мятой волос, на огромные глаза, изумрудами сверкающие на бледном худом лице, на розовые лепестки чуть приоткрытых губ и молча кивнул, соглашаясь: он понял – она не лжет. Эвелин вообще ни разу не солгала ему за все три года их дружбы и лишь изредка отказывалась отвечать на вопросы. Они вместе учились, и Рик с ужасом наблюдал приближение зимы: с каждым оторванным листом календаря умирал еще один проведенный с ней день. Каждый вечер он провожал ее домой, но она сбегала на середине дороги – ее кто-то ждал. Кто-то, о ком Рик знал только одно: Эвелин любила его. Она никогда не говорила об этом, но Рик видел,

как меняется выражение ее лица при одном упоминании о незнакомце. Рик завидовал ему: он дорого заплатил бы за возможность хоть раз увидеть столь нежный взгляд ее смотрящих на него глаз.

Эвелин оглянулась на скрытые осенним туманом часы одной из городских башен, легко коснулась его щеки и убежала, крикнув уже на ходу:

– Прости. Встретимся вечером.

– Я люблю тебя, – тихо прошептал он ей вслед, а она как будто слегка обернулась. Или ему показалось?

– Ты не замерзнешь? – заботливо спросил светловолосый юноша в старинном костюме, беззаботно сидящий на перилах высокого моста. Далеко внизу грохотала река, веселым щенком резвясь на осколках старинных скал.

– Нет, не волнуйся, – Эвелин привычно привязала сумку к изящному завитку ограды и повесила сверху тонкую осеннюю куртку. Она отводила глаза, а ее пальцы слегка дрожали.

– Как прошел день? – осторожно спросил Норт, спрыгивая на доски и заключая девушку в свои объятия.

– Норт... я хочу тебе помочь, – девушка слегка отстранилась и взяла его за руки, крепко сжав пальцы. Она уверенно смотрела ему в глаза, и ее решимость начинала пугать его. На тонких паучьих лапках в душу Норта вползали сомнение и беспокойство – конечно, Эвелин могла решиться на такой шаг, но ей же никто не сказал о том, что это возможно?

– Ты и так мне помогаешь, – мягко ответил он, шагнув ей навстречу. Норт чувствовал, как дрожат ее ладони.

– Нет, – резко ответила Эвелин.

– Ты – единственный человек, который со мной заговорил за последние два столетия. Ты приходишь ко мне каждый день, ты заботишься обо мне, ты излечиваешь мою боль, – больше всего на свете Норт хотел, чтобы на нее подействовали те убаюкивающие интонации, которыми он прекрасно владел при жизни. В ее глазах заискрились капельки слез, она моргнула и после долгого глубокого вдоха произнесла удивительно спокойным голосом:

– Я тебя люблю.

Ее голос втек в его душу расплавленным железом и взорвался внутри сотнями огненных вспышек. Мысли путались. Он любил ее больше всего на свете, но она была жива, а он умер, и умер очень давно, и если он будет с ней, то ее жизнь здесь будет безнадежно испорчена... ее будут считать сумасшедшей, у нее никогда не будет нормальной семьи. Никогда не будет детей. Из глубин разума выплыла самая страшная мысль: а что если она, подумав о том же, решила быть с ним? Норт покосился вниз. После падения с такой высоты на скалы не выжил еще никто.

– Прости, – тихо прошептала она, отпуская его руки, – я наивная идиотка, подумала, что ты тоже можешь... ай, дура! – горько вздохнула Эвелин, зачем-то развязывая шнурок.

– Стой. Стой-стой-стой, – нервно выпалил он, мгновенно

опускаясь рядом и бережно обхватывая руками ее хрупкие, вздрагивающие от едва сдерживаемых рыданий плечи. – Я тоже тебя люблю, – впервые в жизни и посмертии признался он, – только не волнуйся. Ты замерзла, накинь, пожалуйста, куртку и поговори со мной, ладно? Пожалуйста.

– О чем? – глухо поинтересовалась она, продолжая неторопливо расшнуровывать второй ботинок.

– Ты сказала, что хочешь мне помочь, – мягко напомнил Норт.

– Да. Я хочу тебя похоронить.

– Нет!

– Тогда ты не будешь привязан к этому мосту. Ты сможешь быть там, где захочешь, – терпеливо, как маленькому ребенку объяснила она. Норт кивнул.

– Да. Только ты разобьешься насмерть, спускаясь с этого чертового моста, – прошептал он, закрывая глаза. – Ты хоть представляешь, как сложно будет найти там то, что от меня осталось?! – Норт указал на бурлящую внизу воду. «Разве может быть что-то хуже, чем видеть ее смерть?» – подумал он, и сам же себе ответил. Может. Видеть ее смерть по своей вине.

Ее губы легко коснулись его щеки.

– Норт. Пожалуйста. Я не могу видеть, как ты страдаешь. Я знаю, что каждое мгновение ты чувствуешь отголоски той боли, что вырвала душу из твоего тела.

– Откуда? – горько спросил он, – Откуда ты все это зна-

ешь? Я никогда не говорил тебе ничего такого.

Она ласково пригладила его длинные светлые волосы и грустно улыбнулась.

– Книги, Норт. Я очень много читаю.

– Ты разобьешься, – прошептал он.

– Тогда мы с тобой будем привязаны к этому мосту оба, – скрывая свой страх за усмешкой, ответила девушка.

– Нет. Я тебя не пущу, – он держал ее так крепко, как только мог. Она продолжала тепло улыбаться, разглядывая его бирюзовые глаза, так похожие на воды реки, в которой он так и не нашел своего покоя, дотрагивалась до его лица кончиками озябших пальцев, словно стараясь запомнить по осязанию его изящные черты. Каждое ее прикосновение облегчало вечную иглу боли, прошивающую его душу колючей шерстяной нитью. В тот миг, когда она коснулась губами его губ, он почувствовал себя живым. В следующее мгновение он увидел ее спускающейся по опорам моста.

Главное – не смотреть вниз, думала Эвелин, спускаясь по тонким решеткам, и благодарила архитектора за кружевные узоры, по которым было так удобно слезать. Несколько минут спустя до ее босых ног долетели первые холодные брызги, заставив девушку обернуться: до воды оставалось около двух метров, а украшения заканчивались отполированным временем и рекой столбом. Она глубоко вдохнула и решительно сделала единственный шаг вперед.

Ледяная вода накрыла ее с головой, заставляя все внутри сжаться в тугий комочек, потянула было куда-то вниз, но передумала и упруго вытолкнула обратно. Эвелин жадно вдыхала холодный воздух. Она знала место его смерти с точностью до нескольких метров, но определить его на воде было гораздо сложнее, чем глядя на реку сверху. Эвелин осмотрелась и сориентировалась по трем торчащим из воды обломкам скал.

Нырять пришлось девять раз. Руки и ноги давно перестали чувствовать холод и отзывались на каждое движение тяжелой ноющей болью, казалось, замерз даже разум, сузившись до одной-единственной мысли: «Найти и вытащить тело». Вытащить оказалось намного сложнее, чем найти: Норт лежал глубоко, между крупными валунами, и в самый последний миг, когда Эвелин уже плыла наверх вместе с ним, ее левая нога застряла в камнях. Страх закипел в крови. В груди медленно разрывались легкие, настойчиво требуя очередного вдоха. В глазах темнело. Эвелин собрала остатки сил и рванулась к тусклому осеннему солнцу. Казалось, прошло несколько лет, прежде чем скала отпустила ее, болезненно укусив напоследок...

Она почти не помнила, как добралась до берега.

– Пожалуйста, отвлечись. Пожалуйста, посмотри на меня, – доносилось откуда-то издали.

– Не меш-шай, – клацая зубами от холода, отвечала она, закапывая вырытую заранее могилу. Норт смотрел на алую

ленту крови, обвивающую ее порезанные острыми скалами ноги, на мертвенно-бледную кожу и синие губы и ненавидел себя за то, что ей приходится делать. Он не мог даже помочь Эвелин – его бесплотные руки проходили сквозь любые предметы. Лишь для нее он был настоящим.

Норт представил себя свободным от вечной боли, способным передвигаться по миру без всяких ограничений, находящимся рядом с ней день за днем. Представил, как она взрослеет, и пришел к единственно верному выходу...

– Вот и в-в-все, – с трудом выговорила Эвелин, устало опускаясь на землю. В изголовье его могилы нежно горела свечка.

– Спасибо, – прошептал он. Если бы он был жив – то плакал от невыносимой горечи слов, встающих в горле болезненным комом.

– Теперь, если ты захочешь, мы сможем быть вместе, – уголки ее губ поднялись в невесомой улыбке. Норт молча смотрел на ее руки, замотанные белой марлей до самых кончиков пальцев. Она хорошо подготовилась: в ее сумке лежали бинты и дезинфицирующие растворы.

– Как ты относишься к Рикку? – тихо спросил он, не отрывая взгляда от ее рук. Эвелин надолго задумалась.

– Он мой очень хороший друг, – неуверенно ответила она.

– Не бойся меня обидеть. Скажи правду, – он мягко отбросил мокрую прядь волос с ее лица.

– Иногда мне кажется, что я почти люблю его, – Эвелин

отвела глаза на мгновение. – Но мне не нужен никто, кроме тебя, – в ее голос коварно пролезло с трудом сдерживаемое девушкой отчаяние.

Норт кивнул и тихо произнес слова, казавшиеся ему самыми желанными на протяжении всех этих долгих лет. Сейчас они опускались на сердце тяжестью молотка, разбивающего его душу.

– Я очень тебя люблю. Я хочу, чтобы ты была счастлива, а со мной это невозможно. Ты должна идти вперед, а не смотреть в прошлое вместе со мной. Я безмерно благодарен тебе за все, что ты сделала для меня... но я пойду дальше.

Эвелин вздрогнула.

– Туда? – тихим сдавленным болью голосом уточнила она, поднимая глаза к небу. Норт кивнул, дотрагиваясь до ее щеки в последний раз.

– Прости. Он любит тебя.

Она до последнего смотрела, как он растворялся в серых осенних сумерках, не сводила взгляда с его ярко-голубых глаз, а с ее губ опавшими листьями слетало одно лишь слово «прости».

Рик нашел ее на обычном месте, у моста. Сквозь свежие бинты на ее руках проступали алые бусинки крови.

– Садись, – тихо пригласила она, кивая на место рядом с собой. – Молчи, – устало попросила Эвелин, обрывая так и не начавшийся поток его беспокойных вопросов. – Я расска-

жу тебе все. Если хочешь. Но мой рассказ тебе не понравится, – она внимательно посмотрела на него покрасневшими от слез глазами.

– Расскажи...

– Ты знаешь, моя мать исчезла, когда мне было три года, – Эвелин смотрела на реку невидящим взором, а ее голос звучал непривычно пусто. – Отец безуспешно искал ее, а потом женился во второй раз. Моя мать умерла, когда мне было десять. Да, не удивляйся, что я знаю об этом – она была первой неживой, кого я увидела. Она зашла попрощаться и в тот же вечер ушла дальше. С того дня я уже не могла их не видеть, – с горьким вздохом Эвелин закрыла глаза ладонью. – Одни просят помочь им, решив какую-то беспокоящую их проблему, другие мечтают о похоронах, третьи сошли с ума от боли и пугают людей, питаюсь их ужасом. Когда на следующий день я вышла на улицу, мир показался мне кошмарным сном. Я испугалась и побежала, не глядя, надеясь сбежать от собственного страха, и остановилась здесь. Так я и познакомилась с Нормом. Двести лет назад его сбросил с моста родной дядя, чтобы завладеть фамильным именем. Он испугался и до последнего не понимал, что умирает. Поэтому он застрял здесь, посередине моста, точно над местом своей гибели. Обычно умершие успокаиваются, увидев свою могилу, но его гробом стали скалы, и увидеть себя он не мог. Я приходила к нему каждый вечер, мы разговаривали обо всем на свете – о том, каким был мир в его время, о том, как прохо-

дят мои дни. Он очень любит книги, и я часто читала ему вслух, а потом он учил меня рисовать. Мой дар развивался – на второй год я могла дотронуться до Норты, на третий – он смог коснуться меня. Его призрачность стала не важной. Я много думала о том, какого это: быть прикованным к одному и тому же месту десятки лет. Больше всего на свете я хотела освободить его от этой муки. Недавно я догадалась, как это сделать. Несколько дней я готовилась: копала могилу, собирала бинты и растворы, на случай, если поранюсь в воде. Я знала, что он пойдет дальше, но позволяла себе надеяться, что он сможет ненадолго остаться ради меня. Но теперь он свободен, и он это заслужил, – тихо договорила она. Каждое произнесенное слово снимало камень с ее души, и теперь боль потери казалась терпимой. По крайней мере, ей не хотелось больше кричать и с разбега кинуться в пропасть второй раз за сегодняшний день. Рик молчал. Видеть ее боль было тяжело, слышать о том, что она любила другого – больно, понимать, что она ему доверяет – нестерпимо сладко.

– Ах да. Твой любимый вопрос, – на мгновение губы Эвелин тронула легкая улыбка, – в черном я хожу для того, чтобы призраки принимали меня за одну из них и не трогали. Некоторые из них очень болтливы. И... ты, наверное, считаешь меня сумасшедшей? – горько спросила она, впервые за вечер поднимая на него взгляд.

– Да. Но я все равно тебя люблю, – уверенно ответил Рик, бережно поднимая девушку на руки. – Пойдем в больницу,

меня пугает кровь на твоих бинтах. Пусть тебя осмотрят...
– Рик... спасибо. Прости, что так получилось...
– Ничего страшного. Я не тороплюсь, – мягко ответил он.

ОБРЫВ

Знаешь, это похоже на сумасшествие,

Холодные, острые льдинки шторма отчаяния,

Как горько окончилось долгое путешествие -

Жизнью разбитой, в мире чужом скитанием.

Знаешь, это похоже на смерть, крохотную, карманную,

На момент постепенной дремоты, перехода из яви в сон,

Голова, такая пустая, будто стеклянная...

Все вокруг как какой-то безумный карточный кон!

Помоги мне поставить шалашик в холодной пустыне,

Помоги мне собраться и снова разжечь огонь.

Я всегда буду вместо молитв повторять твое имя,

В надежде, что ты однажды протянешь ко мне ладонь.

За ворох нелепых ошибок молю, прости.

Верю, ты будешь и дальше меня вести

При солнечном свете и в сумраке фонарей,

По трудным дорогам и перепутьям дверей.

Пусть твое имя меняется каждый раз,

Пусть мои лица тоже не постоянны,

Простая улыбка в насмешливой нежности фраз

Позволит узнать тебя через года и туманы.

Я уверенно шагаю в плотную тьму, незримая дверь за моей спиной мгновенно захлопывается и исчезает, оставляя под пальцами холод влажного камня. Стена. Глаза постепенно привыкают к густому мраку, выуживая обрывки реальности, впереди – лишь грязный переулок, настолько узкий, что если развести руки, упруешься ладонями в стены высоких старинных домов. Неба не видно. Кажется, крыши смыкаются где-то над головой. Мне действительно страшно. Вечно

так продолжаться не может, верно? Решив, что вижу достаточно, я делаю робкий шаг вперед, прощупывая мыском сапога корявую поверхность – не упасть бы.

За углом улица расширяется на пару шагов, и вдалеке появляются люди. Редкие прохожие закрывают уродливые лица капюшонами, прикрывают руками огни фонарей, пристегнутых к поясам, будто бы я попытаюсь украсть их свечи... хотя свеча действительно бы не помешала. Эти странные люди, от которых я стараюсь держаться как можно дальше, почти вжимаясь в противно-влажные камни, мерзко шипят что-то вслед. Я не оборачиваюсь, кажется, стоит лишь скосить взгляд назад, как случится что-то ужасное, и я безвыходно продолжаю идти вперед, в заворачивающую за угол бесконечность. Медленно тащится время под мерное хлюпанье промокших сапог, а стены всё продолжают немислимым лабиринтом, а люди с каждым новым витком становятся все непригляднее. На их темной одежде бурые пятна, их кожа покрыта струпьями...

Я не знаю, сколько прошло времени, здесь нет даже луны, ноги болят от непрерывного холода, очень хочется сесть на грязную мостовую и просто дожидаться гибели, и я уже высматриваю местечко почище с глупой усмешкой на лице, когда замечаю под фонарем ослепительно-черную тень. Единственный человек, не испачканный грязью... Девушка, мерещится мне сначала, но уже через пару шагов понимаю свою ошибку. От него веет холодом и спокойствием, он силен и

оттого равнодушен.

– Я – твой единственный шанс вернуться, – произносит Некто звонким, чистым, как лед, голосом, и что-то холодное до остроты касается моего предплечья, пока я безуспешно пытаюсь увидеть лицо, скрытое плотной тенью его капюшона...

Он не ждет, стремительно углубляясь в осточертевшие лабиринты, а я тащусь за ним, привязанная невидимым поводком, еле успевая переставлять задубевшие ноги. Эта походка, тот голос, он так на кого-то похож, если убрать мертвенный холод, если убрать тьму, он будет похож... на... на... виски ломит от непосильных усилий, но сердце наполняет тепло, от которого капельку согреваются руки, а на глазах выступают слезы... но почему? Почему слезы?

Меня начинает злить поводок, я хочу остановиться и подумать! Неужели он не понимает?! Неужели ему нравится тащить меня, как провинившегося щенка?! После всего того... не помню... и он, кажется, тоже меня не помнит. Я внимательно вглядываюсь в его силуэт в неверном мерцающем свете чужого окна. Больно, очень больно смотреть, больно глазам, больно сердцу, больно везде, наверное, именно так болит душа, разрывающимся холодно-огненным взрывом.

«Невозможно» – тихим шепотом пепла приходит ответ. Я не помню событий. Я даже имен не помню. Упрямый разум снова и снова показывает мне лишь отголоски давно отзвучавших эмоций, а ему уже невозможно напомнить о чув-

ствах – они больше ничего для него не значат. Пустые слова. Он уже давно не человек. И от этого всего становится так обидно и меня распирает такая злость, на него, на себя, на бессмысленную жестокость мира, на эти проклятые улицы, на лужи, на холод, что мне уже все равно, смогу ли я вернуться домой. Тем более что я ни черта не помню, где это. Никуда я больше не пойду. Вообще. Я останавливаюсь, и в этот момент он тормозит тоже, слегка отстраняясь в сторону, будто бы пропуская меня вперед.

Мы упираемся в дверь.

– Что это? – недоуменно спрашиваю я. Некто стоит за спиной, перегораживая пути к отступлению.

– Дверь, – поясняет он.

– Я вижу, – отвечаю резко, не скрывая горячей ярости. – Но что это за дверь? Что находится за ней?

– Тоже, что и за этими. Выбериай.

Сразу же я замечаю двери слева и справа от себя, понимая – за ними моя судьба, жизнь... что-то невообразимо важное.

– Но что именно за ними? Как же я могу выбрать?

– Выбериай. – Отрезает он.

Я внимательно рассматриваю двери, тщетно надеясь заглянуть в замочные скважины. Правая железная темно-бордового цвета мне совершенно не нравится. Дверь передо мной деревянная, ее поверхность вырезана множеством кривых выпирающих прямоугольников, а бордово-коричневый цвет противно напоминает засохшую кровь. Кажется, в ней

даже есть глазок, но я все равно поворачиваюсь к левой коричневой двери.

– Эта. В ней меньше красного цвета, я его не люблю. – Убеждаю сама себя, не испытывая особого восторга и от ее вида тоже.

Открываю глаза, смотрю на часы и падаю обратно в теплую тьму...

Все сначала. Надоевший до омерзения Город. Судя по тусклому серому свету, так в этом неприветливом месте выглядит утро. Ноги утопают в вязкой зеленоватой жиже, с горьким вздохом я делаю хлюпающий шаг вперед. На этот раз лица прохожих видны, в них угадываются знакомые черты виденных когда-то людей, но я смотрю лишь на дорогу, стараясь не поскользнуться. Через несколько сотен домов людской поток ощутимо редет, и я вновь остаюсь один-наодин с городом. Некто снова стоит на моем пути и, прежде чем я успеваю сказать хоть слово, он поднимает руки, лучащиеся мягким солнечным светом, заливающим все вокруг: мостовую, стены домов, мои сапоги, его белоснежный подбородок... Я наконец-то вижу его лицо, чувствую волны текущей от него силы. Он прекрасен, он совершенен... он не человек. Его свет обжигает мои глаза, я закрываю веки.

И Он берет меня за руку.

Лодка мерно плывет по темно-матовой глади совсем без его участия. Он сидит напротив меня в сером своем балахоне, и лишь лёгкий звон связки ключей, привязанных к его

поясу, разбавляет ночное безмолвие.

– Я ошиблась в выборе двери?

Он молча качает головой. И вот как мне это понять?

– Ар...

– Молчи, пожалуйста! – шепчет он. – Пожалуйста! Я не должен... – на бесстрастном лице проскальзывает сомнение.

Или мне только мерещится?

Лодка замедляет свой ход.

– Я буду присматривать за тобой. Иди. – Он выбрасывает меня из лодки в густой туман. Его руки обжигающе горячи, а в уголках глаз я успеваю заметить блеск.

Тело дрожит от невысказанного близкого холода, волны боли бьются и бьются о разум без остановки. Я запускаю пальцы в волосы и утыкаюсь лицом в колени. Мне кажется, какая-то часть меня продолжает без усталости бродить в сером городе, ведомая за руку Им...

Спасибо, Харон.

ХРАНИТЕЛЬ

Я проведу тебя сквозь вечной ночи мрак,

Я путь открою в темные пучины

Я твой хранитель и любимый враг,

Являюсь смутным призраком мужчины

Я вижу – ищешь, ждешь, встаешь на след

Коварно-пряный, ало-ароматный.

Кто знает, вдруг меня на свете нет?

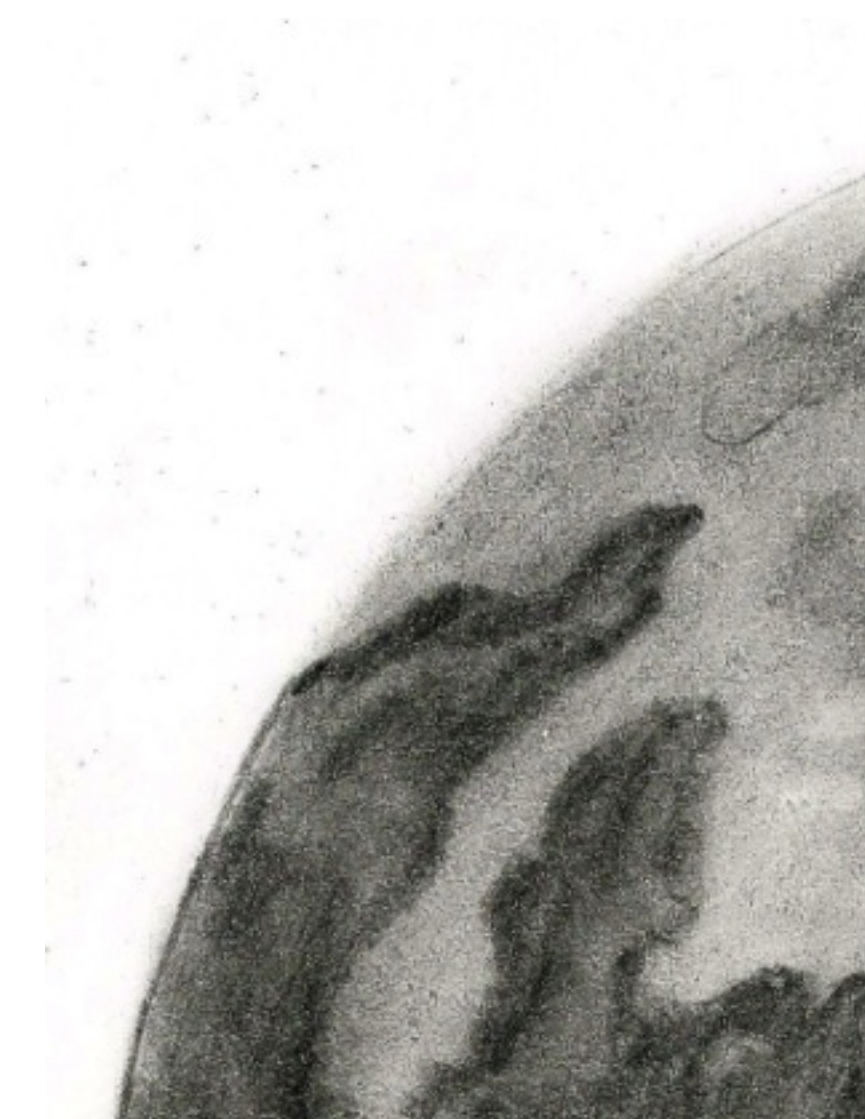
Но ты всегда уверена в обратном.

Да, ты права. И я по-своему прав.

Оберегая ум твой, тело, душу,

Живу на обороте переправ,

Не позволяя твой покой разрушить.

Лунным лучом в наш дом прокрадусь в ночи,

Если заметишь меня, умоляю, молчи!

Ты позвал – я вернулась сквозь холод и смертную мглу.

Прогонишь? Оставишь? Решать лишь тебе самому.

Прости, – прошептал Бернард, заваривая чай в кружке любимой сестры. Тишина опустевшего дома давила на уши, холод колко вонзался в кожу даже через два свитера, треск дров в очаге, казалось, лишь раззадоривал его, нисколько не мешая проникать в дом сквозь щели в стенах и окнах.

– Я должен был беречь тебя. Но у меня не получилось... в этом году очень долгая и сырая осень, родная. Многие не выдержали. Какой я после этого лекарь, скажи? Так... насмешка. – Бернард задул свечу и забрался под одеяло, не раздеваясь.

Сон не приходил. Оглушительно громко сообщала о своем беге секундная стрелка, где-то в стенах нагло шуршали мыши, протяжно свистел ветер, заблудившийся в узеньком коридоре. Бернард вспоминал, как сестренка тихо стучалась в дверь его комнаты, когда ей снились кошмары, и засыпала рядом, свернувшись в комочек, похожая на маленького ко-

тенка...

Легкий знакомый скрежет робко коснулся ушей. Холод пробрался в вены, замораживая всю душу, мурашками пробежал по спине, выступил ледяными каплями пота на ладонях. Бернард слышал, что мертвые иногда возвращаются, но считал это сказками. По легенде, они приходят, чтобы убить тех, кто любил их и обещал никогда не бросать, но оставил в ледяной смертной тьме навеки. Мертвые блуждают под окнами, умоляют, грозятся, каждую ночь, до тех пор, пока не получат свое: теплую кровь и горячее сердце, отнятые у когда-то любимых.

– Братик... мне страшно, – жалобно прошептал испуганный девичий голос. На глазах Бернарда выступили слезы. – Здесь холодно. Я замерзла, братик... и кушать хочется очень, – девочка за дверью плакала. А что если там, за тонкой фанерой, действительно его сестра? Живая, но очень замерзшая и напуганная? Но он своими глазами видел, как с ее губ сорвался последний вздох, как закрывалась и засыпалась землей ненавистная крышка. Может быть, она была жива? Обморок? Летаргический сон? Но как тогда она выбралась бы из могилы? При одной мысли о том, что должна была испытать десятилетняя девочка, очнувшись в темном холодном ящике, стало дурно. А может быть, все это, и болезнь, и похороны, были только нестерпимо долгим кошмарным сном?

Бернард дотронулся до груди, нащупав два амулета на ко-

жанных шнурках. Не сон...

– Нар... пожалуйста, Нар...

Слышать плач было невыносимо. С мертвецами нельзя разговаривать, их нельзя впускать, через сорок ночей они исчезают, вспомнил он. Сорок ночей слышать плач... Берnard вздрогнул.

– Лучше я умру сейчас, – решил он, поднимаясь с постели и зажигая свечу. – Лей, это ты? – спросил Берnard, подойдя к двери.

– Я, конечно, – обиженно произнесла девочка.

Он вдохнул и рывком распахнул дверь. На полу, свернувшись клубочком, сидело нечто в испачканной грязью и оборванной белой рубашке. Спутанные, не менее грязные волосы почти закрывали бледно-синеватое осунувшееся лицо. Он узнал ее по ярким изумрудным глазам. Казалось, глаза – это все, что осталось от его Лейдесс.

– Тепло... – прошептала она, протягивая к свече тонкие дрожащие пальцы. Берnard осторожно взял ее за руку.

– Я с тобой. Все будет хорошо.

После ванны Лейдесс выглядела, как измученная, похудевшая, но определенно живая девочка. По крайней мере, Берnard никогда не видел, чтобы мертвые с таким аппетитом уминали еду.

– Нар. Я умерла, да? – неожиданно тихо спросила Лей, обратив к брату непривычно серьезный и грустный взгляд. Берnard обнял сестренку за плечи, сглотнул, прогоняя сухой

ком в горле, и ответил с трудом:

– Да. Прости. Лей... что ты помнишь?

Лейдесс пожала плечами.

– Я хорошо помню всю нашу жизнь. Смерть родителей... как ты окончил университет... помню, как я простыла и лежала в больнице, как ты приходил ко мне каждый день. Помню, как ты держал меня за руку, я уснула. А потом было холодно. Невозможно холодно. Знаешь, мне кажется, даже если зимой лечь на снег, если нырнуть в прорубь, наевшись льда, будет теплее – везде. Изнутри. Снаружи. Так было до тех пор, пока я не услышал твой голос. Я не помню, что ты говорил, но ты отвлекал меня, помог сосредоточиться на чем-то другом... а еще ты плакал. Я открыла глаза на улице, не очень далеко от дома, но как там оказалась – не знаю. Входная дверь была не заперта. Я думала, что все это просто страшный сон, пока не увидела твое лицо. Когда ты открыл дверь, – Лейдесс вздрогнула и уткнулась в плечо Бернарда.

– Напугал тебя?

Она покачала головой, пригладила его черные волосы и вздохнула.

– Что мы будем делать дальше?

– Я подумаю, Лей. В любом случае, я тебя никому не отдам. Отдохни... если хочешь, поспи со мной рядом.

– Спасибо...

Днем Лейдесс спала, просыпаясь лишь к первым сумер-

кам, ночью была совершенно нормальной, разве что больше не ела, только пила чистую воду, но с каждым вечером выглядела все более здоровой. Бернард нашел пульс у нее на шее, сердце тоже билось, правда, очень медленно. Он прочитал о воскрешении все, что смог найти, но так ничего и не понял. Все сходились в одном: мертвецы зверски убивали людей, если их впускали в дом (без приглашения они могли проникнуть лишь в собственное жилище, и то не всегда), или люди сами неосмотрительно выходили на улицу по темноте в первые сорок ночей после печальной даты.

– Ты сегодня невозможно грустный, – заметила Лейдесс, закрывая альбом с рисунками. – Почему?

– Сегодня сороковая ночь, – пояснил Бернард. Девочка подошла к брату, села на подлокотник его кресла, обняла и пообещала:

– Я никуда не денусь.

В дверь постучали. Бернард недоверчиво посмотрел на часы: два ночи.

– Лей. Спрячься в шкаф, пожалуйста. Я открою.

После того, как девочка исполнила его просьбу, Бернард открыл дверь, увидев на пороге странную троицу. Впереди стоял худой брюнет лет двадцати пяти в аккуратном костюме и вычищенных до блеска ботинках, из-за его спины выглядывала хрупкая светловолосая девушка лет семнадцати, с удивительно бледной кожей, державшая за руку маленького мальчика с золотисто-рыжими волосами.

– Доброй ночи, – произнес мужчина приятным бархатным голосом. – Меня зовут Виктор. Бернад, мы хотим с Вами поговорить. Вы позволите нам войти?

– Проходите, – Бернад отступил в сторону, пропуская гостей.

– Благодарю, – Виктор опустился в одно из кресел, девушка присела на пол рядом и взяла на колени ребенка. – Простите за столь поздний визит, полагаю, Вы согласитесь выслушать нашу историю?

Бернард согласился. Виктор тоже прошел через смерть любимого человека: его невесту убили за несколько дней до свадьбы. В тот самый вечер, когда они должны были обвенчаться, невеста вернулась – замерзшая, запуганная, заплаканная. Он впустил ее, не раздумывая – если мертвец пришел за его сердцем, Виктор был готов лично принести ему нож и поспособствовать в своем убийстве, но этого не потребовалось. Его возлюбленная осталась той же, какой и была до гибели. Правда, она стала спать днем и отказалась от пищи, но все эти мелочи незначительны для того, кто вновь обрел смысл жизни. Он переехал в город, где никто никогда не слышал о нем, и вечерами мог прогуливаться со своей очаровательной спутницей, не опасаясь знакомых и пересудов. Пару лет назад они выбрали на улице замерзшего насмерть мальчика.

– Так и живем, – с улыбкой закончил рассказ Виктор, – Моя жена видела девочку, пробравшуюся в этот дом сорок

ночей назад, и я позволил себе навести справки и узнать о вашей ситуации поподробнее. Понимаете, Берnard, мы стараемся опекать малышей, попавших в такую переделку, хотели убедиться, что у вас все в порядке. – Мужчина внезапно посерьезнел. – У меня для Вас есть еще одна новость. Воскресшим все-таки нужно кое-что для поддержания своего существования. Они часто жалуются на холод, и согреть их может горячая кровь живых. Если Вы не готовы жертвовать для Лейдесс несколько глотков крови в месяц, мы заберем ее в свой дом, с Вашего позволения.

– Я готов, – не раздумывая ответил Берnard. – И забрать ее не позволю.

Виктор облегченно вздохнул.

– Вы уж простите мое недоверие. Многие отказываются...

Берnard удивленно взглянул на собеседника.

– Да-да. Я сам не верил, пока не узнал о том, как одного юношу убила второй раз собственная мать. Дескать, кровопийца, исчадие ада...

– Я тоже исчадие ада? – шепотом спросил мальчик.

– Нет, ты у нас солнышко, – с улыбкой ответила женщина, ласково обнимая ребенка. – История Анастаса на самом деле, удивительная. Обычно вернувшиеся действительно исчезают через сорок дней, если не были приняты своими семьями, а мы с Виктором стараемся скрасить этот месяц для детей, попавших в такую сложную ситуацию. Анастаса тоже не приняла его мать, а вот его старшая сестра тайком от роди-

телей, навещает нас, но забрать его домой не может – девочке всего пятнадцать. Поэтому, я думаю, что Анастас останется с нами навсегда. Останешься? – спросила она, легонько щелкнув мальчика по носу.

– Останусь, – довольно ответил он.

– Извините, если мой вопрос немного бестактный, – замялся Бернад, – Анастас и все те дети, кого приняли семьи, так навсегда и останутся детьми?

– Нет, что Вы, – ответил Виктор, – они растут, но не так, как другие дети – каждое новолуние в момент глотка крови они становятся немного старше, я так думаю, что примерно на один месяц, – Виктор улыбнулся, – а вот моя жена так и останется юной. Все они вырастают, но потом навсегда остаются молодыми.

Они разговаривали почти до рассвета. Виктор и его прекрасная невеста рассказали многое о своей жизни и других воскресших, Лейдесс весело играла с Анастасом, Бернад обдумывал все услышанное.

– Можно задать Вам несколько вопросов наедине? – осторожно спросил Бернад перед уходом гостей, развеявших большую часть его опасений. Теперь только две мысли не давали ему покоя. Виктор согласился, и мужчины вышли на улицу – только входная дверь защищала от чуткого слуха воскресших.

– Виктор, если я правильно понял, вернувшиеся неуязвимы для болезней и ран. Это хорошо, но все равно тревожусь,

не может ли кто-нибудь убить Лейдесс или чем-то ей навредить. Это реально?

– Бернارد, в целом, Вы уловили все верно. Убить Лейдесс или нанести ей рану можете только Вы сами – для Вас она почти обычный ребенок, разве что гриппом не заразится. А в остальном – она будет жить долго и счастливо, пока будете живы Вы, а однажды уйдет вместе с Вами, – рассказал Виктор, бросая нежный взгляд в сторону двери.

– Спасибо. Вы сняли огромный камень с моего сердца. Еще один вопрос, если позволите. Видя вашу прекрасную пару, Анастаса, и наблюдая за Лейдесс, я не могу понять, откуда эти ужасные рассказы. Виктор, как Вы думаете, почему мертвые убивают живых?

– Ну, представьте себе, что Вам дико холодно, очень страшно, вокруг темно, одиноко, а за дверью – тот, кого Вы любите больше всего на свете. И он или она плачет, потому что Вас больше нет рядом. И Вы идете к нему или к ней сквозь тьму и холод, добираетесь до той самой заветной двери, зовете, желая утешить, и слышите в ответ злобное и испуганное «Убирайся на кладбище, ты уже умер! Не подходи ко мне! Уйди!» Любовь продлевает жизнь мертвым, но убивает тех, кто от нее отказался.

ХОЛОД

Зима опять вернулась в этот город,

Засыпав пылью звездною траву.
На кудрях – снег, в душе – пустынный холод.
Все хорошо. Когда же я умру?

Не беспокойся. Это просто ветер,
Застывший инеем на смерзшихся ресницах.
Ты мне мерещишься в неверном лунном свете,
Но перестала в мгле тягучей сниться.

Все хорошо. Я вновь перебираю
Мгновенья прошлого в вечерней тишине.
С улыбкой горькой тихо повторяю:
Однажды в полночь ты придешь ко мне.

Здравствуй, мой верный друг Соломон.

Ответь, моя жизнь – явь или сон?

Памяти сказки – я или он?

Что за монета из сотни сторон?

Очень тяжелый день подходил к концу. Саломея возвращалась домой по холодным почти еще зимним улицам, с крыш, с неба, со стен лились бесконечные потоки ледяной воды, в какой-то момент девушке показалось, что она идет по каменистому дну реки. Зонт безнадежно сломался и был благополучно похоронен в урне еще несколько поворотов назад, пальто промокло насквозь и лежало на плечах неподъемным грузом. Девушка старалась отвлечься, сосредоточенно прокручивая в голове несколько строк из приснившегося этой ночью стихотворения, чтобы не думать о воде, о том, как же, демоны подери, холодно, и как далеко еще идти до маленького, но уютного дома, где ждет любящий старший брат, строгий отец и мачеха. «Я тихо приду в твои самые страшные сны, расскажу все известные этому миру тайны, ты поймешь, что все звуки – лишь отзвуки тишины, я же навек избавлю тебя от страданий» – снова и снова мысленно

повторяла она.

Дрожащие пальцы с трудом удерживали скользкий и мокрый металл ключа, наконец, дверь отворилась, и девушка с удовольствием скользнула в тепло. На ужин опаздывать не стоило, дабы не вызывать недовольства мачехи, и Саломея поспешила за стол, не успев даже толком переодеться в сухое. За едой девушка была непривычно тихой, голова продолжала пульсировать тяжелой болью, преследующей с самого утра, тело ныло, предвкушая зарождающуюся простуду, и Саломея ушла к себе, вежливо поблагодарив за еду и извинившись. Выходя в коридор, она поймала обеспокоенный взгляд старшего брата и улыбнулась в ответ – не волнуйся, родной. Всё в порядке.

Горячая вода уносила усталость и боль, запах лавандового мыла утяжелял веки, Саломея тщательно смывала с волос и тела уличную грязь и повседневную суету. Наконец, согревшись и очистившись, она закуталась в просторный банный халат, и мельком посмотрела в запотевшее зеркало. Из мутноватого стекла косился рыжеволосый юноша. «Померещится же», – подумала Саломея, стряхнула с зеркала лишнюю воду и отправилась спать. Тело ныло, голова гулко гудела, боль нахлынывала и отступала свинцовыми волнами, в предвкушении завтрашней простуды Саломея погрузилась в сон.

**

– Где ты живешь, Ал? – поинтересовалась Сандра, чуть крепче сжимая его ладонь.

– Я же тебе рассказывал, – уклончиво ответил он, упрямо вглядываясь в беспокойную рябь речки, – в маленькой комнатушке под крышей. Снимаю у женщины, древней, как мир, строгой, как твоя учительница музыки и страшной, как все всадники Апокалипсиса, вместе взятые. – Ал улыбнулся и накрыл ее плечи своей курткой. – У тебя руки холодные, грейся.

– Ты упорно не называешь улицу, – тихо возразила девушка. – Послушай... если у тебя дома что-то... или кто-то страшный, ты можешь со мной поделиться. Я не слышала ни одного слова о твоей семье.

Ал молчал, продолжая упорно вглядываться в холодные волны, лижущие отполированный камень набережной. Сандра ждала, не отпуская его руки, она видела – он принимает решение.

– Если ты узнаешь, ты уже не сможешь забыть. – Ал подкинул маленький камешек и ловко направил его в воду. Камень несколько раз подпрыгнул с легким плеском, и, наконец, погрузился в поверхность реки, исчерченную золотистыми нитями предрассветных лучей.

– Я понимаю. Но все-таки хочу знать. О твоей семье, о том, откуда шрам на твоей руке, чем ты живешь.

– Хорошо, – мягко ответил он. – Мне пора уже на работу. Раз ты уезжаешь, приглашаю тебя в гости послезавтра. – Ал растерянно тряхнул головой, улыбаясь. – Уже на завтра, прости. Тогда и поговорим, ладно?

– Конечно. Называй адрес, время и сладости к чаю.

– Я сам за тобой зайду, – он откинул с ее лба упавшую прядку волос, поцеловал на прощанье в висок и быстро ушел, забыв захватить куртку. Волнуется, видимо... Сандра закуталась поуютнее, вдохнула поглубже привычный морской запах его одеколona, и устроилась любоваться рассветом, довольная результатом прогулки. Скоро несколькими тайнами будет меньше. Ал боится ее напугать – интересно, что будет с ним, когда он обнаружит скелеты в ее шкафу?

Он с трудом сдерживался, чтобы не перейти на бег. Завернуть за угол, еще раз. И еще. Теперь достаточно далеко, можно бежать. Быстрее. Еще быстрее. Переулки двоились. Каменные мостовые расплывались океанскими волнами. Он бежал. Трясущиеся руки неожиданно быстро вставили ключ в замок, он ввалился в дом, и, тщательно заперев за собой дверь, облегченно выдохнул – успел. Теперь главное ничего не забыть. Ал спустил потайную лестницу и забрался на чердак, пошатнувшись на последней ступеньке. Времени мало... очень мало. Тяжелые мысли неповоротливо путались в голове. Дико клонило в сон. Он снял обувь, разделся, вернулся в банный халат, на последнем издыхании спустился в комнаты, тщательно убрал лестницу, вынул из кармана мятую бумажку, кинул, не глядя, на стол, и, обессилив, упал на кровать, погружаясь в мягкую теплую тьму...

– В такой прекрасный вечер обязательно нужно открыть окна и выпить свежего кофе. Кофе я принес. Окна оставляю на твое усмотрение, – Андреас зашел в салон и поставил на стол перед Меей запотевший картонный стаканчик.

– Холодный? – недоуменно переспросила девушка.

– Именно! – Андреас улыбнулся. Больше всего ему нравились улыбка и удивление на ее лице, ради таких моментов он готов был устраивать приятные мелочи.

– Вкусный. Спасибо, – Мея приоткрыла окно. – Все, как ты хотел. Кстати. Доброе утро, Андреас! Ты всегда заходишь, не здороваясь, будто отсутствовал не месяц, а всего лишь пару минут, – с улыбкой укорила она.

– Так получается, – виновато пожал плечами Андреас. – Хотя я бы не отказался от такой перспективы, – лукаво уточнил он. Всю дорогу он думал, что должен вести себя сдержаннее и холоднее, но сейчас все утренние решения отправились к черту. В конце концов, если у Сандры есть своя жизнь, он, Андреас, тоже имеет на нее полное право!

– Ой, да прям уж, – фыркнула Мея. – Тебе быстро становится скучно в лавке. Если бы не твое обещание Сандре присматривать за лавкой в её отсутствие, вообще бы не появился здесь. – Мея аккуратно подклеивала потрепанную колоду карт, изредка прихлебывая кофе.

– Твоя правда. Хотя здешние книги мне очень нравятся. Ты читала их? – уточнил Андреас, скрывая напряженность в голосе

– Некоторые, – уклончиво ответила девушка. – Мне понравилась книга о травах, я даже сравнила ее с медицинским справочником. Как ни странно, все совпадает! А я ожидала полного бреда, если честно... вон она, кстати, стоит, беленькая такая, полистай, если хочешь. Еще я читала вон ту, темно-коричневую, про волшебных существ, но это уже в рамках сказки.

– Да, я тоже ее читал, – рассеянно ответил мужчина, наблюдая за работой Меи. Длинные пальцы чутко ощупывали последнюю карту, ножницы порхали, выкраивая лоскутки скотча. В голове ловко складывался план.

– О, я смотрю, ты уже доклеила. Погадаешь мне? – предложил он, усаживаясь за небольшой столик.

– Я не умею, – смущенно развела руками Мея. – Глупо, правда? Работать в оккультной лавке и не уметь гадать. Сандра хотела меня научить, но как-то не пошло...

– Не расстраивайся. Научишься, – пообещал Андреас. – Хочешь, я пока тебе погадаю? Андреас очень надеялся на согласие. Редко когда выпадает такой шанс незаметно узнать о человеке побольше...

– Давай. – Мея устроилась напротив Андреаса и бережно положила на стол колоду. – Что тебе нужно? Свечи-благования?

– Ничего такого, – покачал головой Андреас. – Только карты, готовность работать и твоя ладонь.

– Хоть две, – Мея уверенно протянула мужчине руки.

– Закрой глаза, – мягко попросил он, – и подумай, что ты хочешь узнать.

– У меня слишком много вопросов, – призналась Мея, послушно жмурясь – поэтому... просто расскажи, что ты увидишь в моем будущем, ладно?

– Как скажешь, – серьезно отозвался он. Мея с усилием жмурила веки, рыжие прядки клубились вокруг лица, спали на невесомые рукава блузки. Андреас вглядывался в черты ее сосредоточенного лица. Почему она так волнуется? – Можешь открыть глаза.

Мея внимательно наблюдала за мельканием карт в умелых ладонях. Интересно, о чем она думала в это время? Андреас тщетно пытался разглядеть отголоски эмоций на ее всегда мимичном лице. Что же такого важного скажут ей карты? Он опасался увидеть на столе угрожающие арканы. Наконец, одна из картинок легко соскользнула на стол.

– Солнце, – с облегчением объявил Андреас, украдкой глядя на верхнюю и нижнюю карты. Тайная жрица. Луна. Нет-нет-нет, об этом он ей ничего не скажет. Да и слишком странны они, слишком противоречивы. И не выпали в полной мере, к тому же. Значит, показалось. Точно, показалось. Но стоит всё же подумать о них на досуге.

– Что это значит?

– Это одна из лучших карт, которые только могут выпасть, – пояснил он. – Я очень рад за тебя. Оставь ее себе, солнце, – предложил Андреас, отдавая ей карту. Пусть ста-

нет талисманом – кажется, защита ей не помешает.

– Хорошо... спасибо. – Мея покорно взяла карту в руки. – Но ведь колода без нее будет неполной. И ты ее уже не продашь, – уточнила она, поднимая на Андреаса неожиданно тяжелый взгляд.

Андреас отмахнулся.

– Одна колода меня не разорит. Я найду, куда ее пристроить, – Андреас аккуратно собрал колоду в мешочек и кинул рассеянный взгляд на окно.

– Ух ты, смотри, темнеет уже, – удивленно заметил он. Он и не думал, что они так засиделись.

– Как темнеет? – всполошилась Мея. – Мне пора домой. Мой рабочий день...

– Строго до заката, – перебил он. – Кстати, почему так? – невзначай поинтересовался Андреас.

– Не люблю темноту, – неохотно призналась девушка. – Спасибо за гадание, Андреас. Ты придешь завтра? – спросила она в дверях.

– Обязательно, – пообещал он, закрывая за девушкой. Ему нужно многое обдумать...

Сандра с огромным удовольствием испекла перед работой целую гору печенья, захватив с собой небольшую коробочку – порадовать Мэю. Мэя попала в ее салон около года назад, заглянув из чистого любопытства (много ли девушек устоит перед вывеской «Логово ведьмы?»), и осталась рабо-

тать. Сандра радовалась, наблюдая, как ловко она заливает свечи и высушивает цветочные лепестки, составляет сборы для благовоний и бережно раскладывает по ящичкам старые карты. Но больше всего ей нравилось обращение Мэи с книгами: она читала их с любовью. Незаметно для себя, привыкшая к одиночеству Сандра, привязалась к странной девушке, а потом в ее жизни появился еще и Ал.

– Доброе утро! Я думала, ты снова в погоне за редкими травами и вместо тебя придет Андреас, – удивилась Мея.

– Доброе утро, прости за опоздание. Я с подарком, – поздоровалась Сандра, выставляя на стол гостинец.

– Печенье. Имбирное. С миндалем и корицей? – уточнила девушка, блаженно вдыхая аромат не успевшей остыть выпечки.

– Именно. Угощайся! Я думаю, нам самое время устроить кофейную паузу. – Сандра закрыла входную дверь, повесив на ручку табличку с соответствующей надписью: «Кофейная пауза. Не беспокойте – или присоединяйтесь».

– Угу. Как интересно... Видимо, прогулка приобрела какой-то интригующий поворот. Расскажешь? – поглощенная любопытством Мея не забывала разливать по чашкам горячий кофе, добавлять сахар, корицу и мяту. «Ведьма за работой», – подумала Сандра, улыбаясь собственным мыслям.

– Расскажу, конечно, хотя ничего особенно и не произошло. Он согласился показать мне свой дом. Может быть, узнаю что-то новое, – Сандра призадумалась. Все-таки было

что-то темное в его тайнах и поведении, но вот что именно – понять она не могла.

– Поздравляю, это большое достижение, – понимающе кивнула Мея, – печеньки, кстати, чудесные, спасибо огромное. А ты волнуешься, – проницательно заметила она, смерив подругу внимательным взглядом. – Делись.

– Просто много думаю о вечере, – виновато пожалла плечами Сандра. Недоверчивый взгляд собеседницы окутывал вполне осязаемым шлейфом, тяжелея с каждой секундой. С другой стороны, с кем еще поделиться, если не с ней? – В смысле, много думаю, какие же страшные тайны он может скрывать, – наконец пояснила Сандра.

– Ой, да чего там думать, – мгновенно оттаяла Мея. – Под дождем вы вроде гуляли, в полнолуние тоже, пагубной страсти к гемоглобину за ним не наблюдалось, железными ножом и вилкой соленую картошку он уплетал спокойно, ты говоришь. Насыпь ему в мороженое рябины напоследок и успокойся.

Сандра рассмеялась.

– А если он просто маньяк? – спросила она, с интересом ожидая ответ.

– Ну, тогда вернемся к железным столовым приборам, преимущественно, к ножу – с напускной серьезностью ответила Мея, и тут же рассмеялась сама. Шутки шутками, конечно, но волнение действительно отпустило.

– Дурашка, – с благодарностью произнесла Сандра, до-

ливая девушке кофе, – скажи мне лучше, неужели ни один ведьмак, заглянувший за стопкой карт и мешочком ромашки не смог тебя очаровать?

– Ой. Фу-фу-фу, – с улыбкой поморщилась Мея, откидывая рыжие кудри с лица. – Никакие они не ведьмаки. Черные свечи скупают коробками, а как попросишь маааленькое чудо – Мея для выразительности показала пальцами, сколь крохотное чудо ее бы устроило, – так ничегошеньки. Я вообще иногда перестаю во все это верить, а потом думаю – я бы, наверное, тоже притворялась, что ничего не умею. На всякий случай.

– Разумеется. А Андреас? – уточнила Сандра. – Вы вроде неплохо ладите.

– Вроде, – неуверенно ответила Мея. – Вчера, например, мне казалось, что ему со мной скучно. Он развлекался, как мог. Даже погадал мне, – задумчиво рассказала Мея, сосредоточенно помешивая кофе.

– Что выпало? – осторожно спросила Сандра.

– Солнце. Он почему-то рассмеялся и разрешил оставить карту себе... я ее как закладку использую, красивая...

Сандра облегченно кивнула.

– Солнце – хорошая карта... что с твоими письмами?

Мея пожалала плечами.

– Ни одного нормального за последний месяц. Так, какие-то легкие записки, типа «Купи молока» и «На кухне зародилась жизнь. Вымой, пожалуйста, чашки». Сегодня вот

написал «Буду очень признателен, если ты оставишь пожарную лестницу незапертой на ночь». Интересно, зачем она ему? В квартиры по ней не попадешь, чердака у нас нет, а крыша... ну, только если крыша парню и нужна. Хотя, на мой вкус, вид с нее не ахти будет.

– Нет, солнце, так не пойдет, – возразила Сандра. – Ты мне расскажи не что происходит, а что ты чувствуешь по этому поводу.

– Ты помнишь, у меня есть... был... старший брат, интересовавшийся оккультизмом, и отчасти из-за памяти о нем я работаю тут. Так вот, эти письма напоминают мне его – насмешливые, но при этом заботливые. Я уверена, что это не он, но, кем бы ни был незнакомец – как знать, если в моей жизни появится кто-то другой, не исчезнут ли эти бумажки?

Сандра кивнула. Да, ситуация проблематичная, конечно... да и странная, мягко говоря. В ней тоже что-то не слишком стыкуется.

– Говоришь, под дверь подкладывает? Последить не пробовала?

– Да как-то не получалось – сплю как убитая все время, – Мея замялась, нервно перебирая рукав кофты. – Дурость страшная, сама знаю. И человек этот мне незнаком и пугает, и забота приятная, и в целом – безумие какое-то.

– Ну да ладно, разберемся, – ободряюще улыбнулась она. Точно разберутся, Сандра уж постарается: кого-кого, а Мею в обиду она не даст. Сама все узнает и расскажет девочке.

Но это потом. Сначала – Ал.

– Давай работать, Мей, кофейная пауза затягивается. Кстати, тебе не жарко в кофте? Лето на дворе. Нет? Ну ладно, смотри.

– А вот и мой дом, – похвастался Ал, обводя Сандру вокруг здания. – Ты готова зайти? – чуть напряженно уточнил он.

– Разумеется.

– Тогда идем. Прости, вход у меня своеобразный, – Ал подвел спутницу к лестнице, пристроенной сбоку дома.

– И ты каждый раз так возвращаешься? – удивилась Сандра.

– Ну да. Нет, можно, конечно, через квартиры, но боюсь, жильцы будут не в большом восторге, когда я вломлюсь на рассвете в спальню и скажу «простите, что помешал, не позволите ли мне пройти на чердак?»

Сандра рассмеялась и послушно поднялась наверх. Просторное помещение оказалось чистым и странным – разномастную мебель хозяин выкрасил в белый, стараясь добавить света темному помещению, под скошенным потолком уютно устроились небольшие окошки, в дальнем углу стояли несколько соединенных друг с другом дверей.

– Что это?

– Это санузел, – гордо ответил Ал. – У меня есть электричество и водопровод. Только вот плиты нет – приходится

пользоваться камином. Им я и займусь, а ты располагайся.

Сандра устроилась в мягком, тоже белом, кресле и ослаблено наблюдала, как ловко мужчина разжигает камин, привычным движением вешает над огнем чайник и достает чашки, несколько раз открывает и закрывает пару шкафчиков.

– Бокалов у меня нет, прости, – подытожил он, смущенно почесывая затылок. – Я только что еще поискал – нету... стаканы сойдут?

– Сойдут, – успокоила Сандра. – Не переживай ты так, мне у тебя нравится. Почему ты так стесняешься своего жилья?

Ал напрягся.

– Ну... просто... вход такой странный и... – он решительно запустил пальцы в золотисто-рыжие волосы и уселся в кресло напротив. – Понимаешь, я хотел бы привести тебя в нормальный дом. С красивой мебелью. А у меня только вот это вот непонятно что, да и то не принадлежащее мне. Ну, обстановка моя, да – сдается само помещение.

– Понимаю. Но здесь тоже хорошо. Ты, наверное, привык к более богатому дому? – аккуратно спросила Сандра. Ал уже собирался что-то ответить, но...

– Кипяток! – Ал вскочил, снял с огня пронзительно свистящий чайник, перелил воду в заварочный и суетливо заметался по кухонному уголку в поисках заварки.

– Аал, – ласково позвала Сандра. – Я принесла травяной. Он в кармане твоей куртки, забыл?

– Забыл, – честно признался он, возвращаясь в кресло. – Волнуюсь. Прости. В итоге я смешал две заварки. Две же лучше, чем одна? Ты что будешь? Вино-виски-ром?

– Чай, спасибо, – Сандра старалась, чтобы ее голос звучал успокаивающе, несмотря на испытываемое ей самой беспокойство. – Но если ты хочешь глотнуть чего-нибудь перед нашей беседой, я не против.

– Нет... я лучше так. Ты останешься до утра? – вдруг спросил он, беспокойно потирая левое запястье – он всегда тербил его в моменты тревоги, и именно эта рука была отмечена шрамом.

– Если ты не возражаешь, – легко согласилась девушка. Ал кивнул.

– Сандра. Ответь, пожалуйста, снова. Ты действительно хочешь услышать мою историю? – обычно звонкий голос Ала звучал неожиданно глухо от напряжения.

– Да.

– Хорошо. Я расскажу, только, пожалуйста, выполни три моих просьбы. Облегчи мне рассказ. Первая – не перебивай. Если у тебя будут вопросы, или что-то покажется странным, спроси, пожалуйста, когда я договорю, если хочешь, возьми ручку с бумажкой, записывай, – Ал криво улыбнулся, – вторая – если мой рассказ тебя... – он замолк на мгновение, подбирая нужное слово, – оттолкнет, оборви его, если же нет – останься, пожалуйста, до утра. А утром... Утром веди себя так, как считаешь нужным. Справишься?

– Обещаю. Ты обещал три просьбы, где же последняя?

– Передай мне, пожалуйста, печенье.

После вкусного (по словам Ала, собственноручно приготовленного) ужина и долгого чаепития, Ал устроился на диване и наполнил стаканы вином.

– Ужин состоялся, можно и байки травить, – усмехнулся он. – Я жил далеко отсюда, в городе более северном, и куда более суровым в своих порядках, в совершенно обычной семье, с отцом, мачехой, и старшим всего на год братом. До моих девятнадцати все шло благополучно – не думаю, что тебе интересны мои проказы и школьные дни, но если захочешь, как-нибудь и об этом поговорим.

Сандра ободряюще кивнула – поговорим, мол, обязательно. А пока – не перебиваю, как ты и просил.

– А в девятнадцать произошла одна нелицеприятная история. Если вкратце: меня с дикими воплями вышвырнули из девчачьего дома в одних брюках и босиком. И хорошо еще, хоть в брюках, – хмыкнул Ал. – Родители отказались от меня. Они сказали, что, разумеется, не ожидали, что из рыжего беса выйдет что-то путное, но очень старались растить и воспитывать меня, как и подобает джентльмену. А тут – такое поведение. Нет, чтобы жениться, как полагается всем порядочным людям – они, мол, слова бы вопреки не сказали. В общем, они долго скандалили, и умыли руки, приложив меня напоследок горячей кочергой – тут в их оправдание замечу, мачеха случайно. Она швырнула ее не глядя, на взводе,

просто откинула в сторону – а попала в меня. Она уговорила отца дать мне нормально одеться. С братом я так и не попрощался – в тот вечер его не было дома, и он – единственный, по кому я действительно скучаю. Я написал ему, но он не ответил – то ли не захотел, то ли не получил письмо, не знаю. Я побоялся писать вновь. Первая ночь была действительно ужасной, я не мог попроситься на ночлег ни к кому из знакомых, и ночевал в старой мельнице. Хорошо, что было тепло – зимой я, наверное, умер бы. Пару месяцев я подрабатывал по ближайшим селам – к счастью, я попал в разгар работ, и всем плевать было, кто там меня откуда выгнал, работаю – и ладно. Жил в конюшнях и курятниках, сердобольные деревенские женщины частенько меня подкармливали – жалели дурака, видать. За это время я подкопил денег и добрался сюда – небольшая дань брату, он однажды был здесь и город ему понравился. На села я посмотрелся достаточно, деревенская жизнь не по мне... вот я и осел тут. Мне тоже понравился город, а особенно – некоторые его обитательницы.

– Знаешь, я, если честно, ожидала чего-то более страшного, – призналась Сандра. Её не покидало ощущение незаконченности рассказа. – С тобой, конечно, очень нехорошо поступили... а девушка за тебя не вступилась во время скандала? Или она его и инициировала?

– Так и знал, что ты спросишь, – улыбнулся Ал. – Девушка исчезла. Поэтому и пришлось лить особенно быстро. Не хватало мне только обвинения в убийстве... – мужчина

резко помрачнел.

– Могу себе представить, – мягко ответила Сандра. Так значит, он боялся, что она тоже сочтет его преступником... что ж, это многое объясняет. Но что-то все же не стыкуется в этой истории. Например, куда пропала девушка, и почему он так не хотел об этом рассказывать.

– Это все ужасы, которые ты мог мне поведать? – уточнила она, обвивая его руку и опуская голову на плечо.

– Не совсем, – так же мрачно ответил он. – Но остальное утром, и, судя по блеклому свету, оно настанет примерно через полчаса. Расскажи мне пока о своих секретах, м?

– Неа. В другой раз – слишком много секретов за вечер запутают твою несчастную голову окончательно.

– А ты ее распутаешь, – возразил он. – А вообще, я не настаиваю. Спасибо, что выслушала. – Ал ласково пригладил ее черные волосы непривычно холодными пальцами.

– Я закрою окно, ладно? Камин погашен и становится холодно...

– К..конечно.

Сандра плотно закрыла окно и вернулась к внезапно побелевшему Алу.

– Заболел? – девушка серьезно забеспокоилась. Она была уверена, что еще пять минут назад он был в абсолютном порядке.

– Нет... нет. Ну, то есть да... потом расскажу. Прости, если зрелище... тебе не понравится... я никогда... не видел...

– он закатил глаза и обмяк. Сандра легонько встряхнула его за плечи. Ал не реагировал. Не дышал. Она как будто со стороны наблюдала, как ее собственные пальцы пытаются найти пульс на его шее, в тот самый миг, когда она осознала безуспешность попыток, Ал вздохнул. Бледная кожа под пальцами потеплела, Сандра облегченно утерла слезы, застилавшие глаза, и отшатнулась. На диване лежала Мея, постепенно теряя мертвенную бледность кожи.

– Черт. Больно-то как, – просипела она сквозь зубы, закрывая глаза ладонью. – Обещал жуткости – договариваю. Днем, будучи Меей, я не помнил ничего из своей ночной жизни. Мея проснулась в старой заброшенной мельнице. В мужской одежде. И поняла лишь одно – ей надо бежать. Чтобы ни случилось за время беспамятства, дома бы мне не обрадовались. Я старалась устроить жизнь, обязательно возвращаясь домой к закату, чтобы мой лунатизм распространился лишь в пределах одного помещения. А ночью я помнил все, и отчетливо понимал: ради спасения своего девчачьего рассудка, должен сохранять секретность. Мой потолок – записки самой себе, оставленные рядом с кроватью. Днем эти письма казались такими немного пугающими, но в то же время успокаивали, давали понять, что кто-то есть рядом. Кто-то заботится... ночью я был одинок. Я мечтал добраться до города, чтобы иметь возможность гулять, а не прятаться вечно в сараях. И я добрался. Я увидел тебя однажды вечером, и велел себе зайти в твой салон. Ты взяла меня на ра-

боту – спасибо. Мея с интересом читала мистические труды, Ал по ночам обдумывал их содержание, надо сказать, небезуспешно. Недавно я нашел упоминание о траве, способной сохранить память в дневном лице, и решил рискнуть, подмешав ее сегодня в свой чай. Прости, траву я украл из салона сегодня, когда за тобой зашел. Подействовало. Судя по маникюру, я в девичьем дневном лице, с полной памятью происходящего. Еще я видел упоминания о травах, позволяющих сохранять ипостась или менять ее произвольно...

Мея отняла от лица руку. Рядом заливался беззвучным смехом Андреас.

– Я всегда говорил, что ты солнце. Дурашливое до безумия. Но ведь и сам-то хорош, а, Саломея?

ИСТИНА

Хочешь всю истину знать обо мне?
Я часто сгораю в адском огне,
Вновь воскресая страницами книг.
Увы, я не феникс. Я просто привык.

Временами я забываю дышать,
Продолжая при этом куда-то бежать,
А потом – остановка, паденье без сил,
Но об этом меня никто не просил.

Ночью я вижу странные сны,
Память, виденье далекой страны.
Иногда я – она, иногда она – он.
Эта монета из разных сторон.

На шее годами висит амулет,
Карты лягут на стол вереницею лет.
Это все обо мне. Но все это – не суть.
Я желаю проснуться, не умея заснуть.

вая смерть

*Когда живые жаждут кого-то спасти,
Боги смерти не станут препятствовать их пути,
Обернутся чудесным лекарством кинжал и яд,
Судьба озадачена: что за странный обряд?*

Еле слышный шепот мягких туфель долго откликался эхом старинных каменных стен, уголек крошился и выворачивался из задубевших пальцев, но Лль упорно рисовала на полу древние знаки. Осталась всего половинка свечи, когда круг сложных рун слился наконец в единую кружевную вязь. Лль бережно достала из ножен отцовский кинжал. Девушка всегда боялась боли, но сейчас на кону стояло слишком многое. Стремительной птицей вспорхнуло лезвие, отбросив светлую тень на стену, левую руку обожгло болью, сомкнутые ладони медленно наполнялись кровью. Тихо стучали просочившиеся сквозь пальцы капли, пахло соленым металлом, голова кружилась. Лль резко развела руки, ног коснулись остывающие брызги, глухо стучало сердце.

– Зачем ты вызвала меня, Лль, наследница Всеединого королевства? – бархатистый голос звучал из самого темного угла комнаты, но разглядеть девушка никого не смогла.

– Если ты знаешь, кто я, наверное, ведаешь и ответ на вопрос, – Лль говорила размеренно, ничем не выдавая своего волнения, перед глазами весело копошились цветные точки.

– Этого я не знаю. Но на твоей шее висит изумруд, знак королевской крови, а золотая оправа говорит о наследном титуле, – невидимка усмехнулся. – К тому же твои портреты не так уж и редки. Так зачем ты меня позвала?

– Я хочу, чтобы ты сохранил жизнь моему брату, – после заминки ответила Лль, устало закрывая глаза.

– Насколько мне известно, принц Сирр здравствует, – равнодушно ответил он.

– Пока да. Но Ратт захотел власти. А это значит...

– Что он убьет тебя и принца, – перебил темноволосый мужчина в черном одеянии.

– Именно. Переворот состоится в ближайшие ночи. Я хочу, чтобы ты помог Сирру бежать в глубину Древесных земель и сохранил его жизнь. В Древесных землях он сможет найти приют у наших братьев по тени и заручиться их поддержкой.

Демон задумался, перебрасывая из ладони в ладонь маленькую черную сферу.

– Какая интересная просьба. Я согласен. Ты знаешь цену?

– Моя душа достанется тебе.

– Верно. Я, Кктурр, соглашаюсь на сделку и обещаю исполнить желание Лль в обмен на ее бессмертную душу.

– Я, Лль, соглашаюсь на сделку и обещаю навеки отдать Кктурру душу в обмен на исполнение желания, – эхом откликнулась девушка.

На раненой ладони вспыхнул язычок черного пламени,

встрепенулся и мгновенно исчез. Порез затянулся тонкой бордовой полоской. Когда Лль оторвала взгляд от руки, Кктурр исчез.

Король спал, когда Кктурр появился в его покоях. Королевская опочивальня мало изменилась за последние десять лет, разве что подушка королевы была неестественно ровной, да лица на детских портретах стали капельку старше. Кктурр вздохнул и с сожалением высыпал на лоб спящего немного серебристого пепла.

– Какая честь. Сам повелитель Серебристой долины, хозяин Черной луны, мертвый бог пришел за мной в этот час, – неторопливо промолвила освобожденная душа короля. Кктурр вежливо склонил голову.

– Ты был достойным правителем, Сирронелль. И потому, прежде чем переправить тебя в мою долину, я готов исполнить одно твое желание.

Король на мгновение задумался, и суровая складка на лбу состарила его вечно молодое лицо, он обвел взглядом комнату, остановившись взглядом на каждом из портретов, удивительно похожих друг на друга молодостью лиц, золотистыми волосами, добродушной улыбкой нежно-розовых губ и глазами, мудрыми, как вечный лес. Вот его дед, отец, он сам с почившей женой, Сирр, Лль...

– Спаси королеву, – нахмурившись, изрек он.

Кктурр слегка поклонился и легким движением отпустил

короля в свой мир. Черные глаза Кктурра надолго задержались на последнем портрете.

– Как интересно, – легкий щелчок пальцев подбросил в воздух монетку, она кувыркнулась и зависла над ладонью ребром, медленно вращаясь вокруг своей оси. Кктурр улыбнулся.

Лль не спалось. Судьба младшего брата очень тревожила ее: Сирру предстояло остаться почти в одиночестве. Мать умерла, когда он был еще младенцем, отец тяжело болен, а она сама... Лль взглянула на спокойно спящего мальчика, ласково погладила кончик заостренного ушка, выглядывающего из золотистых кудрей, Сирр улыбнулся во сне.

– Я надеюсь, ты будешь так же мудр, как отец. Тебе всего одиннадцать, но я верю, ты справишься, – прошептала она, осторожно обнимая братишку. Веки тяжелели, в раскрытое окно залетал ветер, принося с собой запах далекого моря и тайные разговоры деревьев, сквозь дремоту Лль почудились чьи-то шаги.

– Наследник спит, – шепотом поведал стражник.

– Он будет спать вечно, – довольно ответил незнакомец.

Лль легонько толкнула братишку, он мгновенно открыл глаза.

– Лль?

– Вылезай в окно, беги в Древесные земли, в конюшню не лезь, ты найдешь волка на дальней переправе, он отвезет

тебя. Я люблю тебя, – торопливо выпалила она, ощущая, как поддается взлому дверной замок. Лль в последний раз посмотрела в глаза брата, сажая его на подоконник, накинула на его шею свой изумруд, обняла так крепко, как только могла, посылая ему все тепло, на которое только была способна.

– А ты? – напряженно спросил Сирр, прижимая уши.

– Беги! – Лль чудом успела столкнуть мальчика, когда дверь распахнулась, пропуская взбешенного Ратта. Его глаза горели ненавистью, в руке, отражая свет фонаря, сиял длинный кинжал, Лль закрыла собой окно, горячая вспышка пронзила тело, звуки терялись, мир медленно падал во тьму...

Лль открыла глаза в незнакомой комнате. Она лежала на мягком ковре на полу, за решеткой уютно пылал камин, не мешая запаху свежести утреннего тумана.

– Очнулась, наконец, – заметил смутно знакомый голос. Лль поспешно села, с удивлением обнаружив отсутствие ожидаемой при движении боли.

– Что с моим братом?

– Он благополучно добрался до Древесных земель, и род тамошних эльфов как раз собирает военный совет. Не волнуйся, с королем все будет в порядке, – поведал Кктурр, разливая по кружкам травяной отвар. Вблизи мертвый бог казался удивительно молодым, лишь по усталой теплоте глаз Лль поняла, что ему действительно многие тысячи лет. По-

хожий взгляд был и у ее отца, хотя ему всего лишь слегка перевалило за триста.

– Спасибо, Кктурр. Я рада, что ему удалось спастись, – тревога улеглась, оставив лишь сочувствие к брату и грусть от невозможности встретиться вновь. – Что мне предстоит делать?

– Для начала – выпей отвар. А потом приготовь ужин и разбери бумаги. Справишься?

– Разумеется, – пожала плечами Лль, пробуя горячий, но охлаждающий язык напиток.

– Ты действительно умеешь готовить? – удивился бог.

– Конечно. Королева должна уметь все, – просто ответила девушка. Кктурр улыбнулся. Кажется, он сделал правильный выбор.

**

Кктурр чувствовал: за маской спокойного послушания прячется тоска. Лль по-настоящему любила свою семью, и разлука давалась ей тяжело. На третий день он позвал ее в свой кабинет.

– Лль, на сегодня дела закончены. Я подумал, что ты, может быть, согласишься посидеть со мной? Я открыл окна – на закате серебряная трава особенно красива.

– Посажу, конечно, – с удовольствием согласилась девушка, присаживаясь на подоконник. Общество Кктурра, единственного ее собеседника, было намного лучше одиноких мыслей. За любой работой она погружалась в воспоминания,

с трудом заставляя себя возвращаться к текущим делам.

– Лль. Я хочу сказать тебе правду, выслушай и прими ее, даже если она покажется тебе горькой, – попросил Кктурр, тщательно подбирая слова. – Ты погибла, Лль. Умерла от кинжала Ратта, закрывая собой окно, ты дала Сирру возможность сбежать, сохранила династию и, возможно, спасла королевство. Я восхищен тобой, и не хотел бы держать тебя узницей. Я не могу вернуть тебе жизнь, но прошу тебя стать моей помощницей и ученицей. Ты сможешь присматривать за братом в любое время, и, возможно, когда-нибудь сможешь даже поговорить с ним. Если откажешься, я провожу тебя в долину духов, к твоей семье. – Кктурр замолк, давая девушке возможность подумать.

– Я согласна, – мгновенно ответила она.

– Лль, сегодня у нас важный день, – Кктурр разливал из кувшина черный туман, мягко сворачивающийся в спираль на дне хрустальных кубков.

– Разве? В твоих планах ничего не записано. Или я что-то пропустила? – Лль пригубила туман, наслаждаясь приятным привкусом новолуния.

Кктурр улыбнулся.

– Разумеется, не записано. Я хотел сделать тебе сюрприз. Сегодня мы придем в гости к самоназванному королю. Я хочу, чтобы ты уничтожила душу Ратта и, как положено, возложила корону на Сирра. Все-таки, ты была королевой це-

лых несколько минут.

– Сирр увидит меня? – напряженно спросила она, отставляя кубок.

– Да. Но сначала – Ратт.

Легкой была ее поступь, и тихо щелкали каблуки, отбивая такт предстоящей пляски, незримый Кктурр любовался своей ученицей. Подол ее длинного черного платья развевался, безлунной ночью опускаясь на белые плиты мрамора, волосы серебристо-лунного цвета волнами опускались на плечи, губы, некогда розовые, теперь же темные, как сама вечность, слегка шевелились, выплетая кружево паучьих сетей.

– Здравствуй, братец.

Ратт ухмылялся, вопреки плену, холодным каменным стенам и режущим руки оковам, но Лль явственно ощущала исходящий от него запах страха. В ее черных глазах медленно разгоралось пламя, поглощающее, сжигающее, вечное, поднимающееся из глубины веков, оно текло по венам ее души, наполняя ее невиданным доселе могуществом. Легкие язычки его пробежали по кончикам пальцев, Лль склонилась над пленником, мягко коснувшись ладонями его лица, и пристально вгляделась в его глаза. В расширенных от ужаса зрачках она видела собственное отражение.

– Я ж тебя убил, – усмехнулся он. – Неужели неуспокоенная душенька решила почтить меня своим присутствием?

– Убил, – согласилась Лль. – Но, как видишь, не до конца.

– Может, мы всё переиграем? – лукаво предложил Ратт. – Соглашайся. Будешь моей королевой. С таким демоном, как ты, нам никакие древесные дриадошки не страшны. А я взамен, так и быть, дам твоему братцу прожить спокойную долгую жизнь вдали от престола.

Лль усмехнулась.

– Серьезно. Будешь купаться в богатстве, вместо прислуживания исчадиям ночи.

– Государь, вы неописуемо щедры, – прошептала Лль, прикасаясь раскаленными пальцами к шее Ратта, – но, боюсь, я вынуждена отказаться. Сирра я тебе не прощу.

Ратт вскрикнул от боли. Убивать Лль еще не приходилось. Она, безусловно гневалась, она ненавидела Ратта всем сердцем, но... это же был тот самый Ратт, с которым она в детстве собирала лунный свет, тот самый Ратт, приносивший ей сладости и читавший книги, тот самый Ратт, давно уже ей сосватанный. Нет. Не тот. Тот Ратт погиб в мгновение, когда корона стала милее близких. Лль сжала пальцы и решительно прикоснулась губами к его губам, крепко зажмурившись. Из уважения к памяти, Лль не хотела видеть последнее мгновение его жизни. Вспыхнул черный огонь, пламя сорвалось с её губ, вольным безумным ветром танцуя на теле Ратта. Он уже не чувствовал боли – его дыхание, его душа сгорели в первый же миг.

Девушка отвернулась и устало опустилась на холодные плиты, продолжая ощущать буйство пламени. Внутри мягко

пульсировала непривычная пустота. Она убила Ратта. Нет, не так. Она уничтожила Ратта, но не чувствовала ничего, кроме безграничной горечи. Пламя за спиной затихало – ей не нужно было смотреть, чтобы знать об этом. Она чувствовала, как слабые черные искры гаснут на белом мраморе.

– Мне правда жаль, – тихо сказала она.

– Я знаю. – Кктурр привычно шагнул из тьмы и опустился рядом, обнимая ее за плечи. – Если бы ты убивала с удовольствием, в том поцелуе сгорели бы оба. Все позади, Лль. Ты молодец.

– Нет, Кктурр. Я была бы молодец, если бы не допустила всего этого.

– Нет, – резко оборвал он. – Ты знаешь причины путей? Ты видишь дороги до самого края? Их не вижу даже я, хотя мне ведомо много большее, – горько признался он.

– Я думала, ты знаешь все.

Кктурр лишь молча покачал головой и накинул свой плащ на дрожащую от волнения девушку. Он тихо сидел рядом, пока исходящие от нее волны тревоги не сменились легкой рябью беспокойства.

– Пойдем к Сирру, – мягко позвал он.

– Идем, – эхом отозвалась Лль, поднимаясь с пола. – Только один вопрос. Почему ты решился меня учить?

– Ты осталась живой в смерти, – пояснил Кктурр, открывая тяжелую дверь. Вот и всё. Он вернется в свою долину, к привычной тишине и спокойствию....

– А... Можно мне продолжить учебу?

– А кто-то говорил, что она закончена? Нет, солнце мое, до настоящей смерти тебе еще учиться и учиться! – с напускной строгостью ответил он, с удовольствием отмечая ее улыбку. «А все-таки интересно, что получится», – подумал он, пропуская Лль вперед.

ВРЕМЯ ПРИШЛО

Тихо погаснет свеча,

Прольется на пол вино,

Плащ упадет с плеча,

Будет уже все равно.

Где-то пробьют часы,

Отмерив последний круг.

Капли небесной росы

Стекают с прозрачных рук.

Под пальцами треснет стекло,

Сотрутся границы миров.

Кажется, время пришло

Пройти через сотни костров.

Музыкант

Прислушайся: так разбивается тишина,

Смотри, как быстро уходит прочь одиночество,

Чувствуй – под пальцами тихо мурлычет струна,

Спой в темноте свое собственное пророчество.

Я открываю глаза. Поезд тихо подходит к станции нового города, замедляя привычную тряску, дядюшка довольно ухмыляется с верхней полки – видимо, у него большие планы на эту поездку. Полноватый, с лихо закрученными вверх усиками, он всегда заполняет собой все пространство вокруг: говорит о чем-то, бурно жестикулируя, куда-то спешит... не могу сказать, что дядюшка мне неприятен – он единственный оставшийся у меня родственник, и живу я с ним вполне неплохо. Он даже привязан ко мне, по-своему. Но я слишком люблю тишину. Новый город... что ждет меня там? Очередные выступления, съемная квартира (главное, чтобы была без клопов, клещей и всяческой кусачей дряни. У-уу, ненавижу), и, конечно, новая девушка. Они – мое маленькое хобби. Я выбираю одну девушку из толпы – всегда одну, и выполняю почти все её желания, в своеобразной форме, конечно. Им нравится моя внешность, а коронный взгляд по-

верх смычка завершает картину наилучшим образом. Я не люблю врать, и потому ни одной из них я не сказал ни слова о любви...

Люди перестают мельтешить перед глазами, а значит, дядюшка слезает с полки и вручает носильщикам все наши футляры. Пора выходить. Я встаю очень неохотно, захватываю свой рюкзак и футляр прежде, чем их схватят чужие небрежные руки. У меня не слишком много вещей, но их я никому не доверяю. Привычная суматоха с багажом проходит практически мимо меня, я молча забираюсь в поджидующий нас кэб, прислоняюсь виском к холодному стеклу и смотрю на вокзальную площадь до тех пор, пока мерное цоканье копыт по мостовой не увозит нас в серые лабиринты.

В городе идет дождь, и рассмотреть его за полосами текущей по стеклу воды практически невозможно. Впрочем, таинственность мне по душе – времени налюбоваться будет еще достаточно. Дядюшка опять рассуждает о предстоящих выступлениях. Хорошо, что он чем-то занят, я даже не пытаюсь вникнуть в смысл его слов – он меняет планы каждые десять минут. Тоскливо. До боли, до воя в груди, но вряд ли я однажды в этом кому-то признаюсь. Я привык быть один.

– А вот и наш новый дом, – восклицает дядюшка, выпрыгивая из кэба и целуя в обе щеки разругавшуюся домохозяйку, – Жизельда, дорогая, сколько лет, сколько зим... сынок, занеси вещи в комнату и иди развлекись, чего тебе с

нами, стариками сидеть. Хотя, что вы, простите, мадам, старик только я, а Вы молоды и прекрасны...

Все ясно. Дядя опять за свое – старые подружки встречаются почти в каждом городе. Значит, до полуночи я совершенно свободен. Нетерпеливые толчки в спину, замаскированные под отеческие объятия, выпроваживают меня на лестничную клетку с футляром и тощим бумажником в нагрудном кармане. Полчаса я сижу на холодных ступенях, наблюдая, как постепенно успокаивается бушующий ливень, и, наконец, дождавшись последних капель, выхожу на улицу в поисках максимально дешевого ужина.

Это не так уж и сложно – отдаляешься от вокзалов и главных городских площадей, забредаешь в глухие дворы и ищешь пекарню с неброской вывеской. К вечеру хлеб отдают почти даром, а там и на чашку чая как-нибудь наскребу. В крайнем случае, всегда можно предложить сыграть в обмен на еду... не люблю. Ненавижу продавать свою душу за какие-то мелочи, и потому такая «бартерная» игра всегда проста и безыскусна, в чем-то даже груба и остервенела.

Ботинки почти не успели промокнуть, когда я все же нашел подходящее место для ужина. За прилавком стояла темноволосая девушка, рассматривающая пирожки с видом вселенской печали. Неплохое начало вечера.

– Добрый вечер, – я снял шляпу и слегка поклонился. Леди мгновенно оживилась.

– Для кого как, – не слишком любезно ответила она, впро-

чем, на её лице промелькнула быстрая улыбка.

– Если Вы продадите мне пирожок и тем самым не позволите сгинуть от голода, для меня вечер будет совершенно прекрасным.

Девушка хмыкнула, выбивая чек, расплатившись, я устроился на одном из нескольких шатких стульев.

– Неужели Вы – тот самый расхваленный всеми музыкант? – почти презрительно поинтересовалась она, кивнув на футляр за моими плечами.

– Не уверен, мадемуазель, что я всеми расхвален, но – да, Вы правы. Я действительно музыкант и всю неделю буду давать концерты. Приходите. Возможно, Вы не пожалеете.

– Посмотрим. Пекарня закрывается через десять минут.

– Тогда – не смею задерживать, – с лёгким полупоклоном я вновь вернулся на холодную улицу.

Пожалуй, я ошибся. День сегодня явно не мой: плащ совершенно не собирался защищать от резких порывов северного ветра, ночь стремительно напознала на город со всех сторон, фонари не горели, и идти было особенно некуда. Я отсчитывал время, дрожа от холода. Теплый пирожок был съеден и практически забыт, оставшейся в кармане мелочи хватило бы на чашку-другую чая, но я хотел приберечь ее про запас. Если через полчаса станет еще холоднее, я просто умру. Пойти, что ли, по ресторанам? Я осмотрел свой обтрепавшийся дорожный костюм: на брюках несколько капель грязи, манжеты на рукавах поистерлись, ботинки раз-

ношены и не чищены... ни в одно приличное место в таком виде не пустят.

Пальцы дубели. Чтобы согреться, я расчехлил скрипку, привычно прижал подбородком холодное дерево и коснулся смычком струны. Густое «соллль» окутало темный двор, под смычком полноводной рекой струилось «ре», «ля» прозвенело чистым стеклянным звуком, «ми» растаяло в воздухе звездной пылью. Неуклюже сорвались со струн, догоняя гаммы, арпеджио, превращаясь неспешно в мои любимые мелодии. Нет, я не играл ничего из концертной программы – от нее тошнило до одури, а от первых звуков пальцы судорожно занимали соответствующую позицию на невидимом грифе и хватали смычок.

Я играл песни. Одну за другой, медленные и быстрые, трепетные колыбельные и огненно-быстрые танцевальные мотивы, до тех пор, пока гладкий конский волос не перестал цеплять струны, растеряв канифольную пыль.

– Bravo, – за спиной раздались несколько неторопливых хлопков. – Если на концерте Вы будете играть столь же вдохновенно, пожалуй, я потрачу немного своего времени и часть дневной выручки.

Я уложил скрипку, аккуратно укутал её старым шарфом, пристегнул на место смычок, и лишь затем обернулся.

– Боюсь, я вынужден Вас разочаровать: на публике я обычно играю то, что мне заказывают, и в таком случае исполнение становится несколько менее эмоциональным, – хо-

лодно ответил я девушке из пекарни. Вместо того чтобы идти по своим делам или выдать обиженно-резкий ответ, она усмехнулась и подошла ближе. Новая знакомая начинала меня раздражать.

– Поразительная честность. Как зовут тебя, музыкант? – равнодушно спросила она, откинув напыщенно-витиеватую вежливость. Я решил тоже особенно не церемониться.

– Мое имя красуется на каждой афише. А твоё – нет. Может, представишься первой?

– Допустим: Адель, – представилась она. Как всегда, при упоминании имени из прошлого по спине предательски пробежали мурашки, я поёжился. Ее черные глаза не выражали абсолютно никаких эмоций.

– Адель, значит, Адель. Приятно познакомиться.

На всякий случай я застегнул футляр и закинул его за плечо. Скрипки довольно дороги, а некоторые истерички уже пыталась украсть у меня инструменты. Мало ли, что ей в голову взбредёт...

Пока я возился, Адель исчезла. Часы вдалеке били полночь. Неужели я проиграл три часа кряду и сам этого не заметил? Думать о пропавшем времени не было сил, я поплелся домой под холодной взвесью дождя, радуясь, что вовремя убрал скрипку. Через несколько поворотов я примерно понял, как чувствуют себя рыбы: снаружи ледяная вода, внутри холодная вода. Еще пару поворотов спустя ощущения закончились в принципе. Не представляю, каким чудом я на-

шел незапертый черный ход в неосвещенном дворе: парадный, разумеется, был давно заперт. Стараясь не шуметь, я поднялся по темной лестнице, упал на отведенный мне матрас в дальнем углу чердака и провалился в тягуче-пустую тьму.

Утро наступило в меня хозяйской кошкой, прыгнувшей мне на грудь из чердачного окна. Кошка, кстати, была черной, может быть, поэтому день не слишком удался? Бесконечные репетиции в нетопленном зале под ругательства рабочих, непрерывно таскающих что-то за спиной, выведут из себя кого угодно. Я вежливо улыбался: в зал постоянно заходили разного рода начальники. Вечером дядя вновь отправил меня на прогулку.

Я опять стоял на улице под дождём перед входом в давешнюю булочную. Почему-то вчера мне казалось, что она была совсем в другом направлении, впрочем, город дневной и город вечерний – разные города, как я не раз убеждался, и потому несколько не удивился собственной рассеянности.

Внутри было тепло, жарко трещал камин, скучающая за прилавком Адель одарила меня равнодушным взглядом.

– А, добрался-таки. Садись, на тебя смотреть холодно. Я бы на твоём месте вместо нового чехла для скрипки раскошелилась на пальто. Или хотя бы на шарф с перчатками, – проворчала она, выставляя на прилавок блюдо с пирожками.

– И тебе добрый вечер, – почти обиженно ответил я. Молодая девушка, а ведет себя, как старуха! Ишь ты, шарф с

перчатками ей подавай. Ничего, не расклеюсь, а вот инструмент и испортиться может.

– Ладно, не кукуйся, – лукаво улыбнулась Адель. – Ешь, за счет заведения. Надо же мне отплатить тебе как-то за вчерашний концерт. А ты откладывай на шапку всё же.

– Благодарю. Первый концерт через три дня, если пожелаешь – приходи.

– Обойдусь. Мне хватило музыки на пару месяцев вперед, – отмахнулась девушка с прежним равнодушием на лице. Это было похоже на вызов. И я его принял.

Я усердно готовился к выступлениям, дядя не уставал восторгаться моим энтузиазмом: я обновил репертуар, придумал несколько интересных сцен, даже согласился на ненавистный галстук, лишь бы дядюшка не воспротивился моим планам. Вечером я был совершенно вымотан и мечтал лишь о матрасе на чердаке, но перед этой желанной встречей меня ждало огромное разочарование. Удобства, предоставленные мадам Жизельдой, представляли собой ведро для кипячения воды и корыто для мытья в оном, стоявшие, как ни странно, на заднем дворе. Как будто в доме места для корыта не нашлось. Разумеется.

– Чудесно, – подытожил я, ожидая закипания воды.

– Все равно не дождешься, – прозвучал за спиной насмешливый голос.

– Почему же? Я достаточно терпелив.

– Дело не в твоём терпении, – пояснила Адель. – Судя по

тучам и редким каплям, сейчас снова польёт. Грей-не грей, мыться тебе холодной водой, музыкантик.

Я вздохнул и улыбнулся из последних сил, скрывая нахлынувшее раздражение.

– Значит, буду мыться холодной, – подытожил я, расстегивая плащ. – Кстати, если ты собираешься так тут и стоять, можешь потерять мне спину.

Адель рассмеялась.

– Ну уж нет. Ты как-нибудь и сам справишься. Только постарайся успеть до ливня, а то простудишься. Знаешь, шмыганье носом несколько отвлекает от игры, – заговорщически поведала Адель и, не прощаясь, скрылась в промозглой тьме. Она, кстати, не соврала: дождь состоялся.

Подготовка перемежалась ужинами в аристократических домах: каждый хотел похвастаться своим знанием музыки и знакомствами в творческих кругах. Скукота невероятная, но я исправно шутил, смущался, танцевал, не забывая надеяться досыта крохотными пироженками и бутербродиками. Нет, ну правда, разве это ужин? Хорошо, хоть вино наливают – иначе я бы совсем скис... но сегодня скучать не пришлось. Мне, конечно, влетит от дядюшки (если он вспомнит, что я слинял), но я самовольно покинул вечер без предупреждения, прихватив с собой пару бутылок ликера. Такое дело нужно запить – весь вечер вокруг крутилась мадам Бестрель, сорокалетняя вдова, наследница огромного состояния, строила глазки и норовила ущипнуть меня за ребра... и слава

небесам, что только за ребра! Я удачно подтанцевал её к дядюшке и позволил себе оставить их друг на друга. Пусть общаются. Если она станет моей тётушкой, я, так и быть, сбегу.

Ключ остался у дядюшки, черный ход оказался предательски запёртым, денег с собой не было, потому до утра я устроился на скамейке в малопродуваемом дворе, в прекрасном обществе бутылки. Тошно. Нет, правда. Все эти напыщенные фразы и расфуфыренные дамы, мужчины, с трудом застегивающие на пузе фрак, псевдоизящные танцы... дома всё было иначе. Лучше об этом не вспоминать. Зато юные леди, воспитанные гувернантками в строгости, весьма очаровательны! Особенно мне нравится наблюдать за сменами выражений лиц этих опекунш, как будто я – лимон, соль и портовый грузчик в одном лице.

– Что пьешь? – спросила появившаяся из темноты Адель, забирая бутылку из моих рук.

– Кофе с ликером, – буркнул я. Только её мне не хватало! Могу я хоть напиток в одиночестве? – Только кофе, к сожалению, остался дома.

Адель отпила из горлышка и вернула ликер обратно.

– Недурно. Только, знаешь ли, пить в одиночестве – плохая примета. Скажи мне, дорогой друг, неужели ты не узнаешь меня, м? – вкрадчиво поинтересовалась она.

– Я же не настолько пьян! Ты – Адель, торгуешь в пекарне и, кажется, немного меня преследуешь! – возмутился я.

– И всё? – разочарованно вздохнула Адель. – Все вы, му-

жики, такие. Сменишь причёску и туфли – не узнаваема. Пара лет – и любовь всей жизни забыта. Ладно, дорогуша, ты пьян – на сегодня прощаю. Вспоминай.

Адель взяла вторую бутылку и растворилась в ночи, напоследок поцеловав меня в щеку. Дурная какая-то, честное слово.

Концерт удался, но я почти его не запомнил – большую часть времени я шарил глазами по залу, выискивая Адель. Я нашел её только перед последним номером – черноволосая, в черном плаще, она стояла в тени портьера, сливаясь с нею. Не в зале. За кулисами. Поймав мой взгляд, она улыбнулась, кивнула и приложила палец к губам, призывая меня к тишине. Незаметно кивнув, я опустил смычок на струны и вместо новомодной арии заиграл свою любимую песню, нежную колыбельную, единственное хоть сколько-то материальное воспоминание из моего прошлого. Многие считают музыку эфемерной, но я могу до нее дотронуться. Когда растаяли отголоски последней ноты, Адель за кулисами не было.

Одеваясь в примерке, я чувствовал себя неудобно, хотелось как можно быстрее убежать из этого зала, я уже предчувствовал нагоняй от дядюшки за самовольное изменение программы. Кстати, где он сам? Я не видел его с самого утра, слишком занятый подготовкой. У дверей черного хода я наткнулся на строгого полицейского. Никогда не думал, что выступления требуют охраны.

– Подождите, сэръ, – вежливо окликнул он.

– Добрый вечер, сэр. Чем могу помочь?

Я обернулся, удивленный неожиданным обращением. Насколько я знал, моим самым противозаконным действием являлся шум в ночное время.

– Вынужден донести до Вашего сведения, что за время Вашего отсутствия дом, в котором Вы остановились, пострадал в результате пожара, – тактично сообщил полицейский.

– Насколько пострадал? – с нехорошим предчувствием уточнил я.

– Сгорел дотла, сэр. К сожалению, выживших нет. Мои соболезнования, сэр.

– Выживших? – уточнил я с очень большой опаской. Не люблю это слово, в прошлый раз...

– Да, сэр. Ваш многоуважаемый дядя, мир праху его, до последней секунды пытался вытащить из огня инструменты, пожарные не смогли остановить его – он упорно лез в самую гущу пламени. Приношу извинения за печальные вести. В городе беспокойство, я должен откланяться, – с легким полупоклоном страж порядка отправился восвояси.

– Никогда не доверял деревянным постройкам, – пробормotal я вслед полицейскому. Мысли расплзались в разные стороны. Для начала... сходить, проверить, не была ли новость дурацким розыгрышем? Да. Определенно. Именно так и поступлю. А если не была? Всё-таки, подобная шутка довольно жестока. Что тогда делать? Идти некуда, хорошо хоть деньги за концерт перечислены на банковский счет. Придет-

ся искать гостиницу... наверное.

– Не ходи туда, мой тебе совет, – мягко сказала выплывшая из мрака Адель. Не до неё сейчас. Просто не до неё.

– Почему?

– Тяжелое зрелище. Ты не сможешь его забыть, поверь, а помнить о нем совершенно незачем. Достаточно того, что ты знаешь о случившемся.

– А как же прощание? – тупо переспросил я.

– С чем ты собрался прощаться? С пеплом дома, в котором проспал пару ночей?

– А дядюшка?

– Послушай, пожалуйста. – Адель взяла меня за руки и пристально посмотрела в глаза. – Там снуют люди, оставшиеся без крыши. Люди, старающиеся стащить всё, что не сгорело, свое и чужое. Люди, пришедшие посмотреть на беду. Тебе нечего там делать, – она чеканила каждое слово, вбивая его в мой разум.

– Нечего. Ты права, – эхом отозвался я.

– Пойдем. Я заварю тебе чай.

– Пойдем... но лучше плесни мне виски.

Адель не отпускала мою ладонь до самой двери. Впустив меня в пекарню, она заперла дверь, молча кивнула на стул и скрылась на кухне. Я не знал, с чего она решила мне помочь, да и не хотел знать. Её присутствие удивительно успокаивало. Несколько минут спустя, Адель вернулась, положив на стол пирожок и чашку с горячим напитком светло-зеленого

цвета, распространявшим по залу летний аромат лимона и свежей мяты.

– Поешь, будет легче.

– Спасибо. Расскажи мне что-нибудь? – попросил я, попробовав питьё.

Адель устроилась напротив, одарив меня тяжелым взглядом.

– Если рассказать тебе правду, ты не поверишь. А врать я не люблю. Так что ты пей пока. А потом и поговорим.

– Почему же не поверю? – удивился я, отпивая еще глоток. Странная жидкость холодила язык, но приятно согревала горло, а чашка уютно наполняла теплом пальцы. По оконному стеклу заструилась вода, причудливо преломляя рыжий свет фонарей, люди бежали мимо, под козырьки подъездов и уютные убежища редких лавок, вдалеке острой стрелой в землю вонзилась молния. Уходить не хотелось.

– Сам напросился, – предупредила Адель, усмехнувшись. – Я – ведьма.

– Очень приятно, – кивнул я без намёка на сарказм.

– Неужели веришь? – недоверчиво уточнила она.

– Почему нет? Ведьмой была моя мама, она неплохо лечила людей, – признался я. Зачем я ей это сказал? А с другой стороны – какая уже разница? Усталость тяжестью опустилась на плечи. В голове легонько шумело, или это дождь совсем уж разбушевался? И правда, разошелся: из водостока стекал на землю целый водопад. «Странно, – сонно подумал

я, – почему никто не додумался забежать сюда?»

– А отец?

– Плохо помню его почему-то, в отличие от матери, – веки тяжелели, постепенно клонило в сон. Интересно, если я усну прямо здесь, Адель рассердится?

– Что с ними случилось?

– Эпидемия. Я у дяди гостил в городе, потому и выжил, – коротко ответил я, допивая отвар. Не люблю говорить о своей семье: вспоминать сладко, а озвучивать – остро и больно. Как будто любое сказанное вслух слово убивает один миг прошлого.

– Это тяжело, – согласилась Адель. – Сейчас еще принесу, подожди, – попросила девушка, забирая пустую посуду. Через пару мгновений она вернулась с целым чайником ароматного питья. – Держи еще пирожок, с яблоком и корицей. Осторожно, только из печи, очень горячий. – Адель поставила передо мной тарелку, вновь наполнила чашку и скрылась за стойкой. Голова слегка кружилась.

– Спасибо, – крикнул я вслед. Очередная вспышка погрузила пекарню в кромешную тьму.

– Не вставай, а то навернёшься! – издали прокричала Адель, – я сейчас найду лампу!

– Хорошо, – громко ответил я, возвращаясь к отвару. Остывающая жидкость приятно кислила, вкус казался смутно знакомым. Я закрыл глаза и прислонился к стене, покачиваясь на волнах уютного полумрака.

– Просыпайся, соня, – легкий щелчок по носу возвращает меня к реальности. Адель появляется из темноты в ореоле нежного желтоватого света, ставит лампу на стол и мягко отбирает пустую чашку из моих рук. – За тобой глаз да глаз. Вечно ты путаешься в пространстве и времени, еще и сбегаешь от меня временами, – Адель притворно возмущается, перебирая пальцами мои отросшие волосы.

– Прости, – виновато улыбаюсь я. – Пытался разгадать состав сбора. Мелисса, мята перечная, базилик, кажется... и, наверное, еще что-то.

– Да-а, зелья – не твоя сильная сторона, милый. Не расстраивайся, я всегда знала, что ты ближе к интуитивной магии, наваждениям, предсказаниям и обольщению. В последнем тебе не откажешь, прям вампир какой-то.

– Ну, так уж и вампир... Хочешь, сыграю тебе весну? – предлагаю я, протягивая руку к футляру.

– Не хочу, – ласково отказывается Адель. – Уж чего-чего, а её я в твоём исполнении наслушалась выше крыши. Лучшие сыграй мне летний закатный луг.

Я улыбаюсь и поднимаю на плечо скрипку. Тихое вибрато «ми» перетекает в соловьиные трели, Адель вытягивается рядом со мной на траве, а теплые розоватые солнечные лучи стекают по ее щекам на черные волосы, рассыпаясь медовыми бликами...

КОЛДУНЯ

Признаюсь тихонько – воровка,

Ты не веришь мне и смеешься,

Я же сердце в ответ краду ловко,

Опасаясь, что ты проснешься.

Прокрадусь к тебе белой волчицей,

Буду сон стеречь у дверей,

Упорхну утром серой птицей

В сумрак гаснувших фонарей.

Зелье сварю тебе тайное,

Выпьешь, сказав: «вкусный чай»,

Слово скажу случайное,

Превращая ноябрь в май.

В шутку спросишь однажды – колдунья

С взглядом пристальным черной кошки?

Я с улыбкой скажу – в полнолуние.

Ну и так... по чуть-чуть. Немножко.

Мифы и легенды о...

О воплощениях

Запах травы. Густой, пьянящий, терпкий, обволакивающий, расслабляющий, уносящий, напоминающий... заставляющий лечь на колючий зеленый ковер, закрыть глаза, уютнеть, упасть, погрузиться на самое дно, и там, глубоко внутри вспомнить, наконец, что-то важное, неопишное, необъяснимое... Не хватает чуть-чуть. Все время не хватает какой-то малости, как будто лишь самые кончики пальцев не дотягиваются до того, важного. А когда дотянутся – сломается нерушимая крепость, легко, будто карты, разлетевшиеся от дуновения ветра, и хлынут ощущения, воспоминания, знания, рекой, неудержимым потоком, лавиной.

Запах травы. Теплый ласковый ветер, играющий в волосах. Переплестись пальцами с тонкими крепкими стеблями полевых цветов, единым порывом пронестись над лесами, лугами, полями, соединяясь, вживаясь, узнавая, подлечивая, защищая... и в то же время – лежать, пустыми глазами уставившись в ясное небо...

Запах листвы, спелой вишни, шершавая ветка качается под ногами. Сидеть высоко на дереве, разглядывая солнце сквозь изумрудную мозаику, смеяться, колокольчиком разливаясь, бежать высоко над землей, в густом лесу, ловко перепрыгивая-перелетая с одной ветки на другую, так быстро, что лишь легкий шелест листвы провожает движение. Светлые волосы отданы ветру, на щеках легкий румянец, серд-

це бьется, диктуя движениям бешеный ритм, горячая кровь льется в венах, пряная, как вино...

После леса – обрыв, и плавно, без остановок, оттолкнуться от надежной шершавой коры, взлететь на мгновение, замереть... и обрушиться в прохладную воду, позволить ей накрыть себя с головой, замедлить движения, остудить кровь, погрузиться на самое дно, плыть, привычной волной изгибая фиолетово-изумрудный хвост, смотреть на жемчужины и ракушки, что так прелестно смотрятся на узкой девичьей шее. Набраться сил, решительно рвануться к солнцу, разбитому на множество ярких осколков поверхностью моря, выпрыгнуть высоко, обернуться, чтобы успеть увидеть причудливые искорки влаги на чешуе, лететь...

Лететь, на тонких, но прочных крыльях, позволяя ветру высушивать последние капли влаги, и нестись все быстрее, еще быстрее, с каждым взмахом ощущая, как открывается сердце, впуская в себя весь мир, восхитительно прекрасный насыщенным летним утром. Полюбоваться и, наконец, опуститься на землю...

Мягкими волчьими лапами оттолкнуться упруго, бежать вперед, длинными прыжками преодолевая пространство, радуясь ветру, тому, что запутался в снежно-кремовой шерсти и остужает нос, ловить его широко распахнутой пастью, пока, наконец, вдали не покажется человек. Подойти осторожно, сесть рядом и зажмуриться от удовольствия, приносимого ласковым прикосновением рук, уткнувшись носом в мяг-

кий зеленый ковер...

ВОЛЧИЦА

Я – волчица, запомни это.

Дикий хищник, сильна, опасна.

Я бесшумно брожу по свету,

Оставляя в снегу след красный.

Я – волчица белая, слышишь?

Существую одна, без стаи,

За версту чую, как ты дышишь.

Не пытайся найти со мной рая.

Я – волчица, ты понимаешь?

Неприрученный, вольный зверь.

Но в тот час, когда ты засыпаешь,

Прихожу сторожить твою дверь.

О джиннах

– Вечер долог, и много яств еще на столе. Отведай инжира и спелого винограда, а пока ты услаждаешь небо, я развлеку твой разум и поведаю тебе историю. О да, дорогой мой, все события эти случились под нашим небом, так давно, что даже пески пустыни забыли подошвы сандалий султана... был султан, как султан – правил и пировал, судил, воевал, казну укреплял, только слухи ходили, что есть у султана брат – старший брат, что особенно странно, близнец, да остался обманут без прав на престол. Да что нам до слухов? Мы же с тобой не женщины, чей удел – шептать да высматривать. Отведай вина, дорогой. Сладкое, словно из меда...

Все у султана было: жены, одна другой прекраснее, деньги и уважение, а вечно ему не спалось и хотелось чего-то нового, и услышал он однажды про джиннов. Знаешь ли ты о них, драгоценный? Да, да, духи древние, духи коварные, исполняют желания, да дорого только приходится им платить. Пожелал наш султан духа к себе в услужение, всю пустыню изошли слуги, весь песок просеяли ситом, море исплавали от края до края, и нашли, наконец, потертую лампу, и султану доставили на подушке из бархата. Вечером поздним потер султан с отвращением медь потускневшую, позеленевшую (повелел бы очистить ту лампу – да не дозволено прикасаться к ней!), и явилась пред очами его дева в одеянии

темном. «Чего изволит желать господин?» – спросила она, и звучал ее голос небесными арфами. «Развлеки меня», – пожелал султан, – «станцуй, и увижу я, та ли ты, за кого выдаешь себя». И пустилась дева та в пляс, отбивая ладонями ритм себе, и была она гибкой, как воды ручья, и быстрой, как ветер, и волосы ее цвета лунного водопадом спадали на изящные плечи. Звенели монеты на шее ее и запястьях, пламенем адским кружилась черная юбка, и был ее танец легким, как послеобеденный сон, и чарующим, словно мираж в самом сердце пустыни. Полюбился танец султану, с одобрением он кивнул и жестом велел присесть своей гостье. «В чем второе желание моего господина?» – спросила она, открыто любуясь статным султаном и стреляя глазами, как самый искусный лучник. Не улыбайся так, драгоценный, эти стрелы куда опасней орудий войны, ибо не замечаешь ты, как впиваются они в сердце. Улыбалась дева, улыбался султан, и захотел он оставить при себе духа. Стань, говорит, законной женой моей – и остался дух самой младшей женой гарема. Да недолго радовался султан. Лишь несколько лун сменилось, и захотел он увидеть будущее, и потер снова медь зеленую, и явилась опять в одеянии темном дева. «Последним желанием будет, мой повелитель. Я исполню его и растаю в ночи до рассвета» – нектаром божественным лился девичий голос. На своем настоял султан, и открыла она ему дни грядущие... «Ждет измена тебя в семье, господин, и останется без тебя золотой твой трон» – проронила пленница холодно. Понял

султан, что убийство замыслил брат его, умолял султан изменить судьбу, головой лишь молча качала дева, целовал он руки и падал ниц... перед самым рассветом спросила серьезно дева «Что же будет мне за желание лишнее? Чем отплатишь мне за услугу тяжелую?» Обещал султан горы золота, вин фонтаны, ящик жемчуга, лишь смеялась бывшая пленница. «Подари мне свои владения, все, до последней песчинки» – жестко сказала она, обрубив надоевшую речь. «Жизнь дороже всего», – ей сказал султан, – «забирай, тьмы проклятая дочь до последней песчинки земли мои и золото». Улыбнулась бестия и растаяла в свете солнечном. Перешло государство сильное к брату султана несчастного, и росло, и крепчало, и мед с каждым днем становился все слаще, да звонче игрались веселые песни...

– Неужель обманула султана проклятая бестия?

– Нет, дорогой, лишь исполнила предсказание. Об убийстве никто и не думал, лишь мечтал о любви и свободе несчастный принц, запертый в дальнем крыле дворца. И прониклась к нему симпатией дочь тьмы, и открыла дорогу к престолу... о своей измене говорила она, ведь являлась тоже ему семьей, да не думал султан о коварстве и лжи недомолвок.

– Воистину, джинны – опасные твари.

– Как узнаешь теперь, джинн ли, шайтан... али просто дева лукавая?

Твое сердце поймаю в сладкий капкан,

В моем голосе слышишь желанный обман,

Обещанья свои вновь не спрячешь в карман.

Лишь на лампу я правду меняю, султан...

Ни о чем не тревожься и выпей вина,

Для тебя угощенье: инжир, пахлава,

По округе давно уже ходит молва:

Дочь шайтана воистину очень сильна.

Повинуюсь покорно, о, мой господин...

Что за тень на челе? Ты рожден не один?

Жизнь тебе сохраню, но разрушу дотла.

Этой мести я слишком уж долго ждала.

О ведьмах

FOR

Я прочту тебе сказки темной луны,

Тихо белой волчицей зайду в твои сны,

В странных глазах бесконечная даль,

В свое зелье добавлю полынь и миндаль.

В нем любовь и защита, огонь и вода,

Пей, не бойся – тебе не желаю вреда,

Амулетом расправлю клубочек дорог,

Чтобы ты не плутал и найти меня мог.

Шепот свой я оставлю в дыхании костра,

И уйду... Ну, а ты – отдыхай... до утра.

ВЕДЬМЫ

Ранней весною ведьмы садятся в круг,

Пишут сказки от сумерек до самых первых огней,

Летним вечером ведьмы дружно идут на луг,

Гривы плетут табуны вороных коней.

Осенью ведьмы в котлах своих варят чай,

А в конце октября по улицам бродят днем,

Зимней ночью на стеклах ведьмы рисуют май,

Ведьмы – люди, с улыбкой идущие трудным путем.

О русалках

Нежные прозрачные потоки ласкают кожу, игриво ловит в объятия теплая сеть солнечных бликов на дне, играют в бесконечные салочки серебристые рыбки, похожие на россыпь мелких монет, она опускается на мягкое бархатистое дно, пальцы переплетаются с шелковистыми нитями водорослей, хвост утопает в иле, мелкие песчинки плавают над головой, она может наблюдать за ними целую вечность... но иногда ей очень хочется поговорить. Она издали наблюдает за людьми, прячась за скалами по шею в воде, и тогда звуки становятся чётче, а ярко-золотой, горячий, искрящийся, как чешуя, шар над головой становится ослепительным. Ей нравится выныривать на поверхность, но капли воды быстро уносятся с кожи порывами ветра, такими жесткими по сравнению с привычно-упругими волнами, и тогда щеки, губы, глаза начинают противно зудеть. Но под водой это быстро проходит.

Временами она находит забытые или потерянные людьми вещи, чаще всего блестящие круглые камешки, люди называют их по-разному: «монеты», «мелочь», «день-ги». Пальцы привычно перебирают скользкий ил, до тех пор, пока не находят что-то еще более скользкое и гладкое. Тоже круглая вещица, похожая на монетки, золотистая, но гораздо более тяжелая и висит на цепочке, словно кулон. Она видела много украшений и знает названия всех, больше всего ей нравится

блеск колец на лишенных чешуи пальцах...

В новой находке виднеется щель, узкая, как в раковине моллюска. Люди странные, зачем создавать такую штуковину, можно же просто достать раковину со дна.

Рассматривая и ощупывая идеально ровную гладь металла, она случайно нажимает на выступ странной искусственной ракушки, и та открывается, внутри нее, кажется, тоже кто-то живет! Человеческая вещица выпадает из рук, и ей приходится наклоняться, чтобы разглядеть поближе маленькую черную палочку, ползающую по белому кругу. Жучок? Не похоже...

«Ча-сы» – всплывает из памяти давно забытое слово. Это называется часы, они нужны, чтобы определять время, когда пора что-то делать, когда кушать, а когда спать. Сейчас ей это не нужно, она делает что захочет и когда захочет, а раньше... она не помнит, что было раньше, но эти часы – вполне симпатичная находка. И они явно тут совсем недавно – иначе погрязли бы намного глубже. Может, их кто-то уронил?

Она осторожно поднимается на поверхность, замирает на мгновение, осторожно выглядывает из-за влажного серого камня, опасаясь оказаться замеченной владельцем часов. На одном из соседних камней действительно сидит мужчина, устремив вдаль горький уставший взгляд. Он не кажется ей опасным, он стар, он не станет вредить ей, и она подплывает поближе, протягивая ему часы.

– Хелен?! – вскрикивает он, поднимаясь на ноги. – Хе-

лен?!!

Вопль пугает ее, она мгновенно ныряет обратно, отплывающая так быстро, как только может, сердце стучит где-то в висках, хвост и плавники на предплечьях работают из последних сил, она успокаивается, только вернувшись домой, в свою уютную пещеру, она забивается в угол и дрожит...

Домой. Это слово напоминает о человеческих жилищах, о шепоте ветра, уютном тиканье часов. Часы, часы, они тикают так громко, они тикали так громко по всему дому, все в лад, и это было по-настоящему чудесно, когда отец захлопывал крышку и говорил «ну вот, теперь беги», и неподвижные стрелки сломанных когда-то механизмов вновь оживали! Это было уютно – лежать на кровати, мягкой, как ил, смотреть в распахнутое окно, любясь растекающимися по морю последними лучами солнца, смотреть на картонные силуэты далеких, невидимых днем гор, вдыхать запахи нагретых за день камней мостовой, булочных, овощных и фруктовых лавок, засыпать под нежное переплетение морского и часового шепота, чтобы утром проснуться еще до рассвета, сорваться с постели и босиком прибежать к морю, спокойно и безлюдному, погрузиться в ласково-бирюзовые волны и вернуться домой к завтраку, пропитавшись солено-ветреным ароматом...

Однажды утром на берегу были люди, они кричали и били друг друга, пока один из них не достал револьвер, и жуткий грохот не порвал окрестности огненным взрывом, из её ноги

хлынула кровь, расцветая в воде алыми лепестками... почему из ноги? У нее же чудесный, сильный и ловкий хвост...

– Хелен! Хелен?!... – продолжает звучать взволнованный голос. Она неохотно открывает глаза, нехотя отпуская уютную тьму.

– Доброе утро, – отвечает она, наблюдая с улыбкой за током прозрачной жидкости в тонкой трубочке, прицепившейся к ее вене. Отец вздыхает и с трудом улыбается тоже.

– Проснулась. Наконец-то...

Замирают осколки света,

Разлетается в клочья душа,

Звезды разбились где-то,

Кто-то сидит, не дыша.

Обернулась реальность сном,

Стала темным кошмаром сказка,

Кто-то помнит любимый дом

И срывает последние маски.

Об эльфах

Они пришли оттуда, где звезды тихим звоном колокольчика играют земле свои колыбельные, оттуда, где ночь соединяется с морем ласково-бережными объятиями, оттуда, где по облакам можно уйти в неизведанное. В их венах течет вино, сладкий августовский сок из сердца вековых деревьев, пьянящий, как жаркие летние ночи, которые они проводят в танцах под лунным светом и долгих беседах с ночными светилами на их собственном, звездном языке, и потому смех этих невиданных существ разлетается по миру звонкими переливами колокольчика. А как иначе звезды их поняли бы?

Днем они очень заняты: учатся мудрости древних дубов и кленов, придумывают цветы и помогают расти травам, и от этих безмолвных диалогов глаза их окрашиваются в изумрудный цвет новорожденной листвы. А как иначе общаться с растением?

На закате и на рассвете, проходя по границам снов и иллюзий, они приходят в людские города и живут там, играя в самых простых обитателей этого мира. И здесь они тоже рисуют сказки, напевают картины и ткут тонкое кружево реальности, добавляя в скучный и строгий узор прорисованных судьбой будней свои любимые краски, иногда они даже уводят людей с собой. Но только тех, кто согласится уйти с ними, замороженный сиянием нездешних глаз. Они очень по-

хожи на людей. Но их волосы, впитавшие по пути последние лучи закатного или первые лучи рассветного солнца, вечно светятся теплом этих лучиков. А как иначе люди узнали бы их?

О стране чудес

ШЛЯПНИК

Рад приветствовать вас в своем мире.

Мое имя – Шляпник. Безумный.

На вечном веселом пире

Разливаю по чашкам свет лунный.

Не хотите ли ростобулку?

Попросите у Сони кусочек.

А потом мы пойдем на прогулку,

К Абсолену, на дальнюю кочку.

Не забудьте зажать носы,

От его табака звезды гасли.

Где Кролик? Он чинит часы

Свежим сливочным маслом.

Королева играет в крокет,

Пока карты сажают розы.

Их нужно укутать в плед,

А то скоро ударят морозы.

Хотите, сошью вам шляпу?

Вам очень пойдут котелки!

Чешир? В саду отмывает лапы,

Пока Алиса стирает чулки.

Ей скоро идти на работу,

А мне допридумывать дом,

Спасибо за вашу заботу.

Вы еще нам приснитесь. Потом...

НОРА

Вся радость, как мозаики витража,

Слезинки, словно дождь, текут по стеклам,

Вновь листья падают и, стрелками кружа,

Без циферблата отмечают время окнам.

И снова жизнь дает крутой виток,

Заставив в сотый раз начать сначала,

Земля как будто бы уходит из-под ног,

А мира целого внезапно стало мало.

Не знаешь ты, паденье или взлет?

Как та Алиса, что в нору упала,

Не знаешь, что в конце полета ждет,

Перины облаков или же скалы.

Не знаешь, и не должен это знать.

Твоя задача – вновь начать иначе,

Судьбу, как кролика с часами, догонять,

В нору кидаться с любопытством, но не плачем.

Так страшно иногда шагнуть вперед,

Осознавать, что что-то завершилось,

Без поворота жизнь, наверное, уснет,

И прыгать нужно. Чтобы сердце дальше билось.

ИСПОВЕДЬ КРАСНОЙ КОРОЛЕВЫ

Проходи же, садись, не стесняйся, бери пирог,

Да не бойся, он не из тех, что меняет размеры.

Чаю? Кофе? Из старых запасов остался грог.

Ну, как хочешь. Напитки здесь правда не стоят веры.

Ты думаешь, я всё время была такой?

Ругалась и нервно грозила расправой картам?

Убил мой рассудок и вдребезги кокнул покой

Жестокий ушастый посланник нездешнего марта.

Провалившись в нору, я летела до самого дна,

Скиталась по лесу, курив Абсоленову трубку.

Подливала безумцу в чайник плохого вина,

Герцогине ночами строчила новые юбки.

Считаешь, быть королевой здесь так легко?

А давно ли ты видел червового короля?

Я только отмечу, что пики быют далеко,

А охранные бубны запутались глупо в ролях.

Подлей кофейку, и, знаешь, давай на «ты»,

Да как хочешь зови, как удобно – мне все равно.

Десятки скоро докрасят в алый цветы.

Алиса? Забудь. Я была ею слишком давно.

О временах.

Широкая чашка приятно ложится в руки. Франк легко проводит пальцем по искрящейся грани невидимо-прозрачного стекла, беззвучно возвращает чашку на место и закрывает посудную полку.

– Приятно пить из прозрачных чашек, не находишь? Можно наслаждаться не только вкусом, но и видом, – замечает Элен.

– Рад тебя видеть, – Франк подходит к окну и неторопливо опускает жалюзи, даже не оглянувшись в сторону гостьи.

– Налей мне кофе? За встречу.

Судя по грохоту за спиной, Элен выбирает себе подходящий стул.

– Обязательно, – обещает Франк, привычным движением насыпая точно отмеренную ложку кофейных зерен в ручную кофемолку.

– Ммм... свежемолотый. Ты явно ждал меня.

– Я всегда тебя жду. Ты знаешь.

Ароматная пыль бархатом опускается на холодную воду. Медная турка занимает почетное место на конфорке, по мановению руки вспыхивает синее пламя.

– Знаю. Как и я тебя, – мягко отвечает Элен.

– Как работа?

– Потихоньку. Люди разные, как обычно. Иногда времени нет даже на кофе, иногда – хватает на добрый десяток стра-

ниц.

Ловкие руки снимают турку с огня за мгновение до закипания. Темно-прозрачная жидкость тонкой струйкой наполняет чашку.

– Не цеди, погадаем.

– Как скажешь. Со сгущенкой?

– Разумеется.

– Разумеется, – эхом отзывается Франк. – Как ты?

– Не забудешь про мятный сироп?

– Уже добавил.

Франк бережно ставит чашку на стол, упорно рассматривая собственные руки, и снова быстро отходит к окну.

– Спасибо. Как всегда, безупречно...

Тягучая тишина заполняет кухню. Франк рассматривает узоры на занавесках так, как будто от этого зависит его судьба. Одно легкое движение – и он увидит ее... нет. Одно неловкое движение, и он спугнет ее. И снова останется беспроектная пустота.

– Франк?

– Да? – как можно ласковее отзывается он.

– Иногда я вспоминаю тебя, – признается Эллен. – В смысле – не просто думаю. Вспоминаю так, как будто все происходит сейчас. Понимаешь?

Франк кивает. Уж он-то действительно понимает такие моменты.

– Иногда я так много хочу тебе рассказать. А слова за-

мирают на губах. Потому что они неправильные. Все слова – неправильные, если хочешь объяснить ощущения. Или что-то по-настоящему важное. Поэтому я молчу. Зову тебя и молчу. Понимаешь?

Франк кивает. Цветочный узор расплывается перед глазами. Франк сжимает ладони изо всех сил, заставляя себя оставаться на месте.

– Понимаю, – тихо отзывается он.

– Прости. Пожалуйста. Прости.

Грохот падающего стула сметает внутренние оковы – «Эллен уходит!» – в панике осознает он, Франк оборачивается, чашка выпадает из ее призрачных рук, разбиваясь о кафель чистыми нотами...

– Я такая неловкая. Извини.

– Построивший мост только ради того, чтобы выпить кофе, не должен расстраиваться из-за дважды разбитой чашки. – Франк сам не ожидает собственного ответа. Он хотел сказать множество совершенно других слов... поздно. Франк уверен: однажды она услышит его.

Уютная теплая тьма раскрывает свои объятия, мягкими волнами вынося на поверхность сознание, веки неохотно распахиваются навстречу тусклому осеннему утру. Эллен нехотя вылезает из-под одеяла и собирается на работу. Обжигающий чай согревает озябшие пальцы. Широкая чашка приятно ложится в руки.

БЕСЕДА

Я прошепчу вопросы сквозь время,

Ты пришлешь мне ответ впереди расстояний,

Немая беседа облегчит бремя

Наших с тобою долгих скитаний.

Твои кудри приглажу осенним дождём,

Ты обнимешь меня нежным ветром апреля,

Это значит, мы все же друг к другу идём

Сквозь жаркие дни и ночные метели.

Ты на кухне моей чашку кофе нальешь,

Я с тобою стою, но тебя же не вижу.

Ты во сне обязательно, знаю, зайдешь.

С каждым рассветом мы капельку ближе.

О судьбах

С едва ощутимым шелестом по ткани танцует игла, легко поднимается вверх и мягко ныряет вниз, послушная чутким пальцам, оставляет за собой след, яркий, пронзительно-синий, как океан в солнечный летний полдень, закрепляет последний стежок и, наконец, затихает. Тонкие пальцы бережно расправляют канву, ласково обводя каждый виток узора, вдалеке тихо поют часы, приветствуя новые сутки.

Она улыбается: работа закончена в срок. Чудо, как хорошо получилось! Ни одной ошибки, ни одного узелка, даже изнанка ровная, словно озерная гладь.

– Хорошо получилось, – одобряет Он, привычно отрезая остаток последней нити. Редкая похвала теплом прикасается к ее сердцу, Она улыбается.

– У тебя тоже. Легко и быстро.

– Только, чудится мне, что-то лишнее в этом сюжете, – на короткое мгновение лукавые искорки вспыхивают в его глазах.

– Что же? – уточняет Она, осторожно заглядывая через его плечо. Он легко поддевает кончиком ногтя золотую волну, осветлившую темное море.

– Кажется мне, кто-то пришил свой волос, – заговорщически шепчет Он.

– А знаешь, мне так даже больше нравится, – уверенно возражает Она. – Появилась неожиданность.

Он смеется и аккуратно откладывает картину в сторону.

– Вот уж не сомневался! Там, где появляешься ты, всегда хватает странностей и неожиданностей.

Она притворно хмурится, но тут же смеется в ответ.

– Пройдемся? – просит Она, настойчиво увлекая его к двери.

– Конечно, – легко соглашается Он, приобнимая спутницу за плечи, – сегодня прекрасный вечер, воды Стикса особенно тихи.

ИСТАРОИЯ

0

В путь ты пустился наивным, как шут,
Свободным от дружески-родственных пут,
В синее небо глядя с надеждой
Найти ту судьбу, что неведома прежде.

I
В миг такого растяпу запутает маг,
Где тебе с кукловодом тягаться, простак?
Он так же легко управляет людьми,
Как кучер – каретой с тремя лошадьми.

II
Из плена такого вызволит жрица,
Но лучше ли будет жизнь с дьяволицей?
С явью и тайной играет она,
Погружая речами в мир зыбкого сна.

III

Столь же сильна, уважаема как жрица,
Прекрасная наша императрица,
Открыта, честна, за стол приглашает,
Заботой и лаской своей окружает.

VI, IX

Влюбленный запутался меж двух огней,
Как выбрать одну и остаться лишь с ней?
Решив не решать, ты запрятался в скит,
Наладив простого целителя быт.

XII

За любое умение нужно платить,
Готов ли ты в жертву себя приносить,
День за днем отдавая все, без остатка?
Однажды и горечь становится сладкой.

XVIII

В море ночном отразится луна,
Куда же идти? Где твоя сторона?
В собственный лик поглубже взглядишь,
Подумай. Осмысли. Не торопись...
В отражении увидишь владычицу чаш,
Вложит кубок в ладони, прошепчет: «ты – наш»,
Предложит уйти в край сладких чудес
Забывтой тропой сквозь приснившийся лес.

XVI

С нею уйдешь – путь отрезан назад,

Не отменить посвящения обряд.
До последнего камня осыпется замок.
Ты будешь лишен человеческих рамок.

Королева мечей мир поставит на место,
Слепит судьбу из нужного теста,
Даст ответы, которые ты не просил.
Ей виднее, кто ты, кем ты будешь и был.

XIII

Это ли смерть, или это начало?
Снова корабль стоит у причала,
Былое откинь, свое имя забудь,
Обратно уже ничего не вернуть.

XVII

Разрезает звезда полуночную мглу,
Правильный курс указав кораблю,
Надежду и новую цель обещает,
Ласково душу от тьмы очищает.

XIV

На другом берегу – ангел светел и чист,
Венец его яркий, как пламя лучист,
Просит терпеть, держаться и верить,
Чтобы открылись закрытые двери.

IV

Владеет страной молодой император,
Мудрый правитель, хороший оратор,

Работу находит, защиту дает,
Но от него никто не уйдет.

V

Иерофант на троне соседнем
Советы свои подарит последним,
Слушай, внимай, он – достойный учитель,
Морали и веры добрый хранитель.

VI

Ветра быстрее летит колесница,
К триумфу и славе доставить стремится,
Хоть успех и удача – коварные птицы,
Их изловить можно сильной десницей.

VII

Но сила – не бравые только слова,
Любовь и забота приручат и льва,
Терпение, стойкость, решимость и воля
Исправят любую печальную долю.

XV

На каждом пути притаился свой дьявол,
Так много сулит, а просит так мало,
В ловушку заманит и скажет: «судьба»
Превратишься иль нет ты в слепого раба?

XI

Но есть справедливость в истерзанном мире,
Правда одержит верх в честном турнире.
Коль ты умен и всё тщательно взвесил –

Будешь ты далее счастлив и весел.

X

Ты вновь на вершине, тебе повезло,
Крутит фортуна свое колесо,
Несет перемены и новый этап,
Она понимает лишь крупный масштаб.

XIX

Снова солнце ворвется в душу рассветом,
Может, теперь остановишься где-то?
Тебя вновь окружает счастливейший дом,
Заслуженный честно упорным трудом.

XX

Радуйся, будь, только не забывай –
Прошлого книги ты открывай,
Возрождение было, но будет и суд.
Все ответят за то, чем и как проживут

XXI

И будет весь мир сиять и лучиться,
Покуда планета изволит крутиться,
Разъединяя и строя мосты.
Ответь на вопрос: кто же всё-таки ты?

Amoroso

ПОСВЯЩЕНИЕ

Я вновь сочинил стихи, безумные, словно апрель,

Словно шляпника сон, отразившийся в зимней луже.

В сердце играет забытого фавна свирель,

В мыслях – лишь тот, кто сегодня особенно нужен.

Я сегодня не пьян, мне всего лишь немного странно,

Душу порвал ради сотен витражных лент,

Их пустил на ошейники младшим волчатам тумана,

Вспомнив растаявший в вечности сладкий момент.

Буду, как раньше, волком носиться белым,

В серебристой траве находя безошибочно след,

Ароматом твоим начерченный, точно мелом.

Позови меня снова. Пришли мне один привет.

ПРИВЕТ

Привет. Этим летом осень вернулась в город,

Надменна река, как серебряная тесьма,

Льет и льет вместе с небом на головы влажный холод...

Сотру. Всё не так. Не такого хочу я письма.

Привет. Этим летом ты снова мне снишься. Ты ли?

Я пыталась в памяти вызвать твое лицо,

И почти удалось, но черты твои будто поплыли,

Сердце окутав сладко-тягучим свинцом.

Привет. Знаешь, я снова сшиваю полотна строк,

Пеку пироги и клею обои в квартире...

Я, кажется, всё же не очень хороший пророк,

Но ты, уверена, лучший хранитель в мире.

ГДЕ ТЫ?

Я устала жить без тебя,

Брат мой, свежий весенний ветер.

В лабиринтах блуждать, скорбя,

И гадать, на каком ты свете.

Я ищу тебя каждый день,

Братец-дождик, осенне-нежный,

Мне в тумане мерещится тень,

Руки влагу ловят по-прежнему...

Я зову тебя, рыжий лис,

Братик старший, но вечно юный,

Брат – ночной океанский бриз

Мягко треплет гитарные струны.

Редко снятся твои глаза,

Друг мой волк, изумрудного цвета.

На подушку стекает слеза.

Я люблю тебя. Вечно. Где ты?

ЗНАЕШЬ

А я, ты знаешь, бегу по лезвию бритвы,

По тоненькой грани из яви и вечного сна,

Я имя твое твержу, каждый день, как молитву,

Засыпая с тобой, я вновь просыпаюсь одна.

А я, ты знаешь, сижу вечерами дома,

Вышиваю, читаю и тихо смотрю кино.

Я снова и снова вспомнить пытаюсь, кто мы,

Тщетно. Но изредка что-то всплывает само.

Dolente

ЗАПОМНИ

Только запомни: боль не проходит, слышишь?

Возможно, с годами погаснет и станет тише,

Но единожды тронешь – и вновь разольется, как море.

Запомни. Не исчезает бесследно одно лишь горе.

Только запомни: жизнь не кончается, слышишь?

Все хорошо, если ты до сих пор еще дышишь.

Если случилось – так нужно, осталось немного.

Ты же потерпишь чуть-чуть до родного порога?

Просто пойми: ты не сможешь всегда все решать,

Иногда всем нам приходится просто смотреть и ждать.

Только запомни: я здесь. Я всегда буду рядом.

Даже если сегодня меня не узреть простым взглядом.

КРЫША

С крыши смотрю на бездарно прошедшее лето:

Город облако делит на стороны тьмы и света,

В лабиринты свиваются серые змеи-улицы.

Только больше не лги, что мечты обязательно сбудутся.

Молча с крыши люблюсь на новорожденную осень.

Хочешь, прямо сейчас отсюда что-нибудь сбросим?

Не хочу, отвечаю, я столько всего разбила,

Что мне не помогут уже ни веревка, ни мыло.

Я стою без зонта, пока дождик смывает улыбку,

Возвращаюсь одна под защиту унылую стен.

Знаешь, я буду до боли играть на скрипке,

До тех пор, пока капли тоски не исчезнут из вен.

ПЕЧАЛЬ

Разорву тишину на тонкие длинные полосы

Я вплету эти странные ленты в свои короткие волосы

Незаметным бесцветным путником выйду на старую ули-
цу

Буду гулять и верить, что все обязательно сбудется.

Тонкие листья бумаги сгорели до белой пыли

Я выдыхаю рассказы, предания, сказки и были

Продолжаю бродить светлой тенью по древнему городу

Кажется, этот мир не подвластен огню или холоду

В витражных осколках небо, звезды сияют как сталь

Разорвав на кусочки душу, из сердца уходит печаль

Тихим странником бродит по городу, отражается в сером льду

Кажется, я домой ночевать не приду

Lugubre

ИСПОВЕДЬ СМЕРТИ

Боль. Тихое слово острой иглой вползает под тонкую белую кожу.

Боль. Это слово не я придумал, но больше никто тебе не поможет.

Молчи. Не растрчивай крохи сил на победу в этой нелепой борьбе.

Молчи. В благодарность за тишину, карты твои я брошу

судьбе.

Стой. Призраком ты вовеки не станешь, и снова родиться тебе я не дам.

Стой. Ты скоро меня узнаешь, ты тоже пройдешь по моим следам.

Холод. Звонкие цепи путами лягут на шею твою, добираясь до сердца.

Холод. Ты, как и я, узнаешь, почему от него никуда нам не деться.

Голод. Одиночество, непонимание, склепы и страхи ждут мертвеца.

Голод. Только любовь до гроба стирает трупную зелень с лица.

Жар. Чувствуешь, как дурманит сознание горячая кровь в венах живых?

Жар. Ты не сможешь забыть поцелуи на залитых осенним дождем мостовых.

Покой. Люди наивно считают, что именно это их ждет за чертой.

Тьма. Вместе со мной насладишься ее красотой.

ВСЁ ТАК

Все так. Ты проснешься, гневом разбуженный,

С горящим горлом и когтями на пальцах,

Очень уставший, немного простуженный,

С мыслью о том, что устал скитаться.

Все так. Вырываешься, миром запертый,

В ветре холодном ища покоя,

Но крылья к спине припаяны намертво,

И некуда рваться, и нет вокруг боя.

Трубка... Навек в другой жизни забыта

Рядом с бокалом горячего рома.

Из тела не выйти. Лишь память пробита,

И манит видением прежнего дома.

Calando **АВГУСТ**

Это – август, а значит, любые границы – вода,

То тонки и прозрачны, то тяжки, как мрамора плиты.

В «никогда» обращается хрупкое слово «всегда»,

И всплывает всё то, что так тщательно было забыто.

Это – август, а значит, разум сжимает тоска,

Заполняя собою любые пространства и дали,

Надежда порвется тонкой струной волоска,

Глупы и ничтожны награды, дипломы, медали.

Это – август, а значит снова всё кувырком:

Перепутья дорог в спирали свивают карты,

Сердце мёдом польет только нежное слово «дом»

В ожидании новой весны и холодного марта.

ДО КАПЛИ

Я немного устал и капельку болен,
В венах моих бродят тусклые мысли,
К разуму доступ вновь запаролен,
фразы падают с губ, лишённые смысла.

Я сильно помят и до капельки выжат

Снежной весной в мутной раме окна.

На стенах развешаны фото, где мы же,

Счастливые, выпили лето до дна.

Я иду без зонта. Ну и пусть. Наконец,

Вольный ливень остудит горящее сердце.

На этой планете я странный жилец.

Скажите, откуда сюда я мог деться?

ОСЕНЬ

Снова осень, а значит – в пальцах танцует игла:

Октябрьский ветер в уют превращает свободу.

За стёклами сизым туманом клубится мгла,

Я вновь доливаю в чашку горячую воду.

Снова время приходит для свечек и фонарей,

Сказаний чудесных на бархатных книжных страницах,

Ноги от свежести утра бегут скорей,

Разжигая румянец на бледно-фарфоровых лицах.

Тикают стрелки, мурлычут скрипичные струны,
Сплетаясь в единую песенку прожитых лет,
В мягком мешочке таятся древние руны.
Осенью кажется – времени в мире нет.

Teneramente
ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Летний вечер пахнет разлукой,
Чаем, остывшим в чашке,
Долгой дневной прогулкой,
Сорванной утром ромашкой.

Летний вечер пахнет картиной,
Законченной на рассвете,
Памятью, паутиной,

Временем, где мы – дети.

Летний вечер пахнет тобой,

Уютом, корицей, сказкой...

Изменившейся вмиг судьбой,

Проходом, зачеркнутым краской.

Грустью пропах летний вечер,

Щемящей ночной тоской,

По городу стелется ветер,

Нашептывая: "я с тобой..."

ОБИТЕЛЬ

Этот дом, словно царство навек позабытых игрушек,

Где хранятся старинные вещи, на память и впрок,

Здесь не звучат голоса беззаботных подружек,

Но злости не перейти невысокий порог.

Здесь тихо, одна только музыка льется под пальцами,

Вода, закипая, в чайнике мерно свистит,

И шепот, считающий крестики ночью над пальцами,

Читает вслух сказки и ласково шелестит.

Здесь висят амулеты, а в ящике спрятаны карты,

Свечи горят и летят ароматы трав,

Здесь Смерть и Судьба неспешно играют в нарды,

Здесь прощается все, лишь признайся, что ты был не прав.

Здесь логово ведьмы, отшельника дом незаметный,

Сюда можно прийти, но почти нереально попасть,

Здесь живут многие, кто-то совсем неприметный,

А кому-то лишь предстоит еще кем-то стать.

Здесь край меланхолии, сумрака, веры, тумана,

Здесь слабые руки сплетают ткань дивных миров,

В историях о любви нет ни капли обмана,

Здесь вроде бы рай, только климат до боли суров.

ИЗ ВСЕХ ЧУДЕС

Я думаю о том, как тишина

Шагами гулко в доме раздаётся,

О том, как белолицая луна,

Выходит в небосвод и там смеётся,

Как Солнце опускается в моря,

Своею кровью заливая океаны,

А утром вновь рождается заря,
И освещает города и страны.
Я думаю о том, как мир велик,
Сколь сложны перепутья и дороги,
Что жизнь моя для мира только миг,
А сам я тень, один из очень многих.
Я не могу заставить мертвых жить,
Или планеты вынудить крутиться,
Из всех чудес, способен лишь любить,
Покуда сердце в теле будет биться.

РАСПАНИ ОКНО

Распахни окно. Не бойся, давай. Сначала на маленькую щелочку... почувствуй упругую струйку ветра на щеке, поймай его, пусть гладкой жемчужиной он прокатится по пальцам и в последний момент сорвется, соскользнет из ладо-

ни. Улыбнись. Вдохни медленно и глубоко. Чувствуешь? Это запах первых весенних лучей, искристо-золотых, юных, как новорожденное солнце. Запах ожиданий, запах далекого моря, будущей травы, запах света. Открой окно шире. Не замерзнешь, не бойся... ты даже не заметишь момента, когда... я же говорю, весна уже здесь. Да, на этой самой кухне. Закрой глаза. Вдыхай... Деловой щебет птиц, далекие разговоры, тяжелое кольцо на большом пальце, золотые лучи, запутавшиеся в кудрявых медных прядях, и вот уже нет под ногами пола, лишь деревянная, облупившаяся от времени доска качелей безмятежно порхает вверх. Все выше и выше...

P.s. никогда не забывай об этом. Спасибо.

Coda

РАБ

Не умею раскрашивать книги,

Лишь плету нити тонкие строк,

Паутинкой бессчетные лиги

Протянулись на сотни дорог.

Я сплетаю границы миров,

Добавляю в них краски и ткани,

Яркий шепот горящих костров,

Нежность тихую горьких страданий.

Я сплетаю все нити вокруг,

Я запутан в своей паутине.

Где ты, верный и преданный друг?

Как мне звать тебя лучше отныне?

Я всемогущ, беспомощен, слаб,

Разрывая оковы и узы,

В глубине души, все-таки раб

Своей собственной доли и музыки.

НАВСТРЕЧУ

По клавишам ветром весенним бежать,

Нежно пригладить пальцами струны,

Крылья расправить и мерно дышать,

Поверив в заботу и ласку фортуны.

Вспомнить, как лёгки весной облака,
Запах рассвета и книжные дали,
К прошлому прикоснуться слегка,
Зажечь фонари, чтобы свечи пылали.

Проснуться, спуститься на пол босиком,
Окна открыть, своей жизни навстречу.
Вдохнуть глубоко. Улыбнуться тайком.
Может быть, время все-таки лечит?